Вампир высшего класса

Автор:
Юлия Набокова

Вампир высшего класса

Юлия Валерьевна Набокова

VIP значит вампир #3

Прага – самый романтичный город мира и столица невидимой миру вампирской империи. Здесь легко влюбиться и потерять голову, особенно если ты – юная вампирша, а твой спутник – молчаливый и неотразимый двухсотлетний Гончий. Здесь легко угодить в эпицентр интриг древних вампиров и очень трудно найти выход из старинных подземелий, если имел несчастье там заблудиться. Здесь оживает прошлое и становятся реальными призраки. Здесь начинается будущее, а настоящее кажется иллюзорным. Наслаждайтесь пражскими каникулами. И будьте очень, очень осторожны, если хотите прожить отпущенную вампиру вечность. Ведь Прага – это город разбитых надежд и опасных встреч.

Юлия Набокова

Вампир высшего класса

Глава первая

Люкс для новобрачных вампиров

– Счастливого медового месяца! – пожелал носильщик, внеся наш багаж в номер для молодоженов и получив награду за свои труды. Дверь за парнем

захлопнулась, и мы с Вацлавом оглядели апартаменты, в которых счастливые жених и невеста предаются радостям первой брачной ночи. Я – в замешательстве, Вацлав – с неизменно бесстрастным выражением лица. Таким же взглядом можно рассматривать армейскую казарму, которую предстоит делить с сослуживцами.

У меня же складывалось впечатление, что я очутилась в каком-то пошлом любовном романе. Мужчина и женщина, отель, одна кровать на двоих. Вот только герои любовных романов обычно без ума друг от друга, хоть и не подают вида. А мы – только деловые партнеры. Как бы мне ни хотелось чего-то большего…

– Что ж, – хладнокровно проговорил Вацлав, отступая к двери, – ты располагайся, а я посижу внизу.

От его низкого, с хрипотцой голоса меня, как обычно, бросило в жар. А при мысли о том, что нам предстоит ночевать в комнате с одной общей кроватью, я задышала чаще.

– И что ты собираешься там делать? – Мой вопрос настиг его уже на пороге. – Пропустить по бокальчику виски, набираясь смелости перед первой брачной ночью, или просто перекусишь кровью из вен портье?

Гончий бросил на меня испепеляющий взгляд. Можно подумать, мне нравится идея поселиться с ним в люксе для молодоженов! Но что поделать, если других свободных номеров нет, а нам нужно непременно остановиться в этом отеле, по соседству с Фабиолой, за которой мы ведем слежку от самого Парижа.

Случайная встреча с ней в аэропорту кардинально поменяла наши планы. Вместо Москвы мы полетели в Прагу, в надежде, что Фабиола приведет нас к другим одиннадцати вампиршам. Тем, тайную встречу которых я случайно застала в Замке Сов. Тем, в чьих венах, как и в моих, течет кровь погибшего Жана. Моим кровным сестрам. Которым Жан что-то тайком оставил в наследство и, не иначе как начитавшись Дэна Брауна, зашифровал нахождение ларчика на двенадцати серебряных кулонах, принадлежавших каждой из вампирш. Один из них по стечению обстоятельств оказался у меня, но к разгадке тайны ни на шаг не приблизил. Только сложенные вместе подвески в виде кусочков пазла превращались в карту с подсказками. Пустившись тайком вслед за Фабиолой, мы

с Вацлавом надеялись, что разыщем остальных вампирш и узнаем, что оставил им Жан. А уж в том, что ничего хорошего от Жана ожидать не стоит, я твердо усвоила даже за короткое знакомство с ним. С учетом того, что последние годы своей жизни вампир искал способ обрести власть над всей нашей братией, эта штука может быть весьма опасной.

Кроме того, я преследовала и другую цель. С первых дней в Клубе из-за крови Жана меня считали каким-то чудовищем. Вместе с кровью новичок получает и отпечаток характера своего донора. И если донор – силен и жесток, а новичок – слаб духом, он может уподобиться своему создателю. Московские старейшины боялись, что со мной все так и произойдет. Поэтому с первых же дней ко мне приставили Глеба, который постоянно был рядом и следил за мной. Да и Вацлава предупредили, чтобы в случае, если я начну представлять угрозу, меня надо уничтожить. В первые месяцы кровь Жана во мне давала о себе знать: я стала более вспыльчивой и раздражительной, гнев придавал мне разрушительную силу, а инстинкт самосохранения, подпитанный ненавистью Жана, дважды заставил убить – пострадали охранники Жана, которых он отправил к нам с Вацлавом, чтобы отобрать Серебряную Слезу. А когда охранники потерпели поражение, Жан приехал в Москву сам, и мы встретились на заброшенной фабрике.

В ту ночь я убила Жана под воздействием Слезы Ненависти, амулеты расплавились в магическом огне, а мой родной дед Аристарх вытащил из огня Слезу Милосердия. Он надеялся, что амулет поможет мне справиться с влиянием крови Жана и даст шанс остаться самой собой. Я носила амулет в Париже, а потом узнала о существовании своих двенадцати кровных сестриц – вампирш с безупречной репутацией, и засомневалась, так ли велико влияние крови Жана, как думают старейшины. Покидая Париж, я случайно обронила амулет и заметила ту, кто его подобрал. Но не стала ее догонять – мне хотелось проверить, какой я стану без Слезы Милосердия. И теперь я должна разыскать своих сестер и раскрыть тайну их родства с Жаном всем – чтобы меня перестали считать чудовищем, чтобы разделить с ними бремя кровной наследницы жестокого француза.

– Я должен убедиться, что Фабиола никуда не пойдет сегодня ночью, – мрачно ответил мне Вацлав.

– А носильщик тебя не убедил? – возразила я.

Мы вошли в гостиницу на окраине Праги спустя пятнадцать минут после Фабиолы. В поздний час персонала было мало, а постояльцев, жаждущих заселиться, еще меньше. Фабиоле повезло – она отхватила последний стандартный номер, так что Вацлаву пришлось раскошелиться на апартаменты для новобрачных. А провожал нас на этаж тот же носильщик, что нес багаж Фабиолы. Пока я думала, как бы так ненавязчиво расспросить парня об интересующей нас девице, Вацлав пристально взглянул ему в глаза, задал несколько вопросов и получил всю исчерпывающую информацию: новая постоялица просила ее не беспокоить, жаловалась на утомительный перелет и сказала, что собирается проспать до следующего вечера. Причем носильщик тут же забыл об этом странном происшествии и, обведя нас осоловевшим взглядом, пожелал счастливого медового месяца и убрался восвояси.

– До рассвета еще пара часов, и я не хочу упускать ее из виду, – упрямо возразил Вацлав. – Носильщику она могла и соврать.

Я пожала плечами – делай, что хочешь. Только спросила:

– Моя помощь не нужна?

Вацлав покачал головой.

– Отдыхай.

Он пересек комнату и плотно задернул шторы, словно не собирался возвращаться в номер даже с наступлением дня и решил заранее обезопасить меня от солнечного света.

И что я ему такого сделала, размышляла я, глядя на его напряженную спину. Подумаешь, у стойки регистрации не удержалась и, услышав про то, что мы вынуждены взять номер для молодоженов, пошутила: «Дорогой, не забудь попросить, чтобы в номер принесли шампанское и осыпали кровать лепестками роз. Я это обожаю!» Глупо получилось, согласна. Но Вацлав тогда дернулся так, будто я его в наручниках под венец тащу. Больно надо с таким мужем всю вечность мучиться. Мало того, что по характеру совершенно невыносимый, так еще и практически бессмертный… И вообще до недавнего времени я считала, что настоящий мужчина должен посадить денежное дерево в швейцарском банке, построить виллу на Канарах и вырастить Билла Гейтса. Или хотя бы Тома

Круза. И уж Вацлав, бывший главой Московского Ордена Гончих, меньше всего вписывался в этот идеальный образ.

Я смутилась, заметив, что Вацлав уже развернулся и пристально смотрит на меня. Черт, неужели он опять читал мои мысли? Я поторопилась перевести тему:

– И все-таки, откуда ты так хорошо знаешь чешский? Ты так и не сказал.

Когда мы сели в такси у аэропорта, Вацлав свободно заговорил с местным водителем, объясняя, что следует ехать за машиной с Фабиолой. И всю дорогу я слушала журчание незнакомой речи, а когда я умудрилась вклиниться в оживленную беседу со своим вопросом, Вацлав просто от меня отмахнулся. Причем вид у него был такой, словно я помешала ему добывать информацию государственной важности. Похоже, разговор коснулся и меня, потому что водитель, глядя на меня в зеркало заднего вида, заулыбался и сказал что-то Вацлаву, отчего тот помрачнел, как Дракула при виде распятия, и что-то недовольно буркнул. В тот момент я готова была отдать новенькую сумочку от Шанель, купленную в Париже, лишь бы узнать, о чем речь! Интересно, сколько лет Гончий прожил в Праге, если так свободно выучил язык?

– Я здесь родился, – неохотно ответил он и смерил меня тяжелым взглядом, давая понять, что эта тема закрыта.

– Вацлав – это же чешское имя, да? – чувствуя себя полной идиоткой, уточнила я.

Гончий коротко кивнул и стремительно вышел вон. Я в смятении уставилась на захлопнувшуюся за ним дверь. Что бы с ним не случилось в этом городе и как бы давно это ни было, ясно одно: для Вацлава это по-прежнему болезненная тема. И именно здесь произошло то, что сделало Вацлава тем, кем я его знаю. Одиноким, отчаянным, неприкаянным Гончим. Тем, кто безжалостно расправляется с преступниками. Тем, кто спас меня от верной гибели в Париже. Тем, кто равнодушно разбил мое сердце.

Наверное, это была самая скучная ночь из тех, что видели на своем веку эти стены. Нашу первую с Вацлавом ночь в номере для молодоженов я крепко проспала. И даже не знаю, спали ли мы в одной постели или нет. Засыпала я в одиночестве, проснулась тоже. Дневной свет еще струился из-под задвинутых

штор, рисуя солнечные узоры на полу. Вампирам бы в это время еще спать да спать, но Вацлава в кровати уже не было. Или – еще не было? В любом случае, задерживаться в постели не стоит.

Замотавшись простыней, я прошла в ванную и поплескала в лицо холодной воды. Короткий сон отразился на коже: лицо в зеркале выглядело иссиня-белым, не добавляли красоты и тени, залегшие под глазами. Сейчас я выглядела, как настоящая вампирша из фильмов ужасов – бледная кожа, длинные темно-каштановые волосы, запавшие глаза, кажущиеся совсем черными, злорадная ухмылка. «Сейчас я вас тут всех съем!» Я оскалилась своему отражению и потянулась за зубной щеткой. Надо отполировать клыки, чтобы не выпадать из образа.

Горячий душ вернул меня к жизни. Кожа чуть порозовела, мокрые волосы завились кольцами, так что и в зеркало теперь было взглянуть приятно. Все-таки я довольно симпатичная. Недаром даже искушенный в женской красоте Жан Лакруа считал меня хорошенькой. У меня большие карие глаза, выразительные губы и тонкий нос, которым не устает восхищаться мамина подруга Клара Петровна, работающая пластическим хирургом. По ее словам, мой нос – мечта половины ее клиенток. Остальные, кстати говоря, мечтают о груди Анны Семенович. А вот я совершенно не комплексую из-за своего второго размера – благодаря ему, я всегда могу найти бюстгальтер в размер и на распродажах в магазинах белья я не страдаю от ограниченного выбора. Так что Кларе Петровне никогда не заполучить меня в качестве своей клиентки, хотя она, в приступе душевной доброты, и обещала мне хорошую скидку! Скидка, конечно, рубль бережет, но своя грудь, знаете ли, ближе к телу.

А вот с волосами мне не повезло, я с досадой взглянула в зеркало. Вьются, как хотят! После мытья их даже щеткой не расчешешь, приходится распутывать пальцами. Выполнив эту утомительную процедуру, я слегка подсушила волосы феном и осталась довольна результатом. Одеться бы еще! Я в сомнении потопталась у двери, переводя взгляд с полотенца на простыню. Одежду я с собой не захватила. Из комнаты, вроде, не доносится ни звука. Но, что, если Вацлав вернулся? Не могу же я выйти из ванной в чем мать родила! Подумает еще, что соблазняю. И, кстати, будет прав. А если не соблазнится? Вот стыд будет!

Завернувшись в банное полотенце, я прошла в комнату и ахнула от неожиданности: от зашторенного окна метнулась крупная тень. В голове

пронеслись десятки версий: от банальной «в номер пробрался вор» до провальной «Фабиола заметила слежку и пришла разобраться». Но уже через мгновение я с облегчением перевела дух: глаза после яркого освещения ванной постепенно привыкали к сумраку, и тень обретала знакомые очертания Вацлава. Высокий рост, крутые плечи, правильный профиль. Благородно-строгое лицо – крутой изгиб бровей, широкие скулы, мужественная линия рта, резко очерченный подбородок, смуглая кожа. Необычный цвет глаз – серые с карими крапинками, словно россыпи солнечных брызг по талому льду. Отросший ежик смоляных волос – у парикмахера Вацлав не был уже с Москвы. С волосами такой длины он выглядел моложе, чем обычно. Если в нашую первую встречу я решила, что Гончему лет тридцать, то сейчас он выглядел не больше, чем на двадцать пять, даже принимая во внимание неизменную щетину, которая придавала ему сходства с пиратом. Особые приметы: белая ниточка шрама на правой щеке, которую я касалась солеными от слез губами, когда думала, что Вацлав погиб. Смутившись от этого воспоминания, я сердито пристыдила его:

– Ты меня до смерти напугал! Я не слышала, как ты вошел. И вообще – стучаться надо!

– Я стучался – ты не отвечала. И вообще-то я здесь тоже живу. – Он и бровью не повел, словно для него видеть меня в банном полотенце на голое тело – столетняя привычка.

И от этого его хладнокровия капельки на моей влажной коже превратились в мурашки.

– Мог бы признаться, что стал волноваться, когда я не ответила. Мало ли, вдруг в твое отсутствие наведался охотник за вампирами и разрядил в меня барабан с серебряными пулями, – плотнее запахивая полотенце на груди, заметила я.

На самом деле, вред серебра – это миф, придуманный старожилами, чтобы отпугнуть молодежь от поисков Серебряных Слез. Вампиры не боятся серебра и легко носят украшения из него. Но я стала вампиром совсем недавно, и в моей памяти еще были живы легенды о «детях ночи», большинство из которых не имели никакого отношения к реальности. Хотя некоторые вампиры в них продолжали верить. Например, отправляясь со мной на заброшенную фабрику к Жану, мой дед Аристарх взял с собой пистолет с серебряными пулями. Это было вполне в его духе – если пальто, то от «Прада», если пули – то из серебра.

– А что, Аристарх потом с тебя голову снимет, что не уберег… Ой! – Я вспомнила об обещании, данном моему деду-вампиру при прощании в аэропорту. – Совсем забыла ему позвонить. Странно, что он еще телефон не оборвал.

Аристарх был не в курсе истинной причины нашего поспешного отлета в Чехию. Когда мы разделились в аэропорту Парижа, я сказала, что лечу в Прагу отдохнуть, а Вацлав согласился выступить моим гидом. Если бы я упомянула о Фабиоле, Аристарх принялся бы волноваться и непременно увязался бы следом.

– Потом позвонишь, – при упоминании имени Аристарха, лицо Вацлава помрачнело.

Что это с ним? Вроде дед и Гончий были довольно дружны. А последние события в Париже еще больше их сплотили – тогда они оба пострадали из-за меня. Решением Парижского Клуба Аристарха исключили из Совета старейшин Москвы, а Вацлава отстранили от руководства Орденом Гончих. Потом преступный поступок Василия Романова, в результате которого чуть не погиб Вацлав, вынудил парижских старейшин пойти на уступки. Романов остался безнаказанным, но и мой дед с Гончим были восстановлены в своих правах.

– Одевайся. Фабиола отправилась нанимать машину, это займет у нее минут двадцать. Мы должны проследить за ней после выхода из салона.

Придерживая норовившее соскользнуть полотенце, я проскакала в смежную с гостиной спальню и прокричала оттуда:

– Откуда ты знаешь, что ей понадобится именно двадцать минут?

– Потому что я уже был в ближайшем салоне и арендовал нам автомобиль, – последовал невозмутимый ответ.

– Уверен, что она пойдет именно туда? – засомневалась я, влезая в джинсы.

– Я слышал, как она разговаривала с портье, и он назвал ей тот же адрес, что и мне незадолго до этого.

– Что-то рано она сегодня, – поделилась я своим удивлением, натягивая джемпер. – Думаешь, остальные вампирши тоже встанут так рано?

– Думаю, что ее визит в Прагу может быть не связан с наследием Жана.

– Хочешь сказать, что мы прилетели зря?! – Я торопливо расчесала волосы и собрала их крабом. Бросила взгляд в зеркало и усмехнулась. Сейчас я была одета так же, как Фабиола, когда я впервые увидела ее в Замке Сов. Черный свитер, узкие джинсы, мокасины. До полного сходства не хватает только черных перчаток и заплетенных в косы волос. Даже внешне мы чем-то похожи – обе невысокие худенькие брюнетки. Только у испанки кожа смуглее и черты лица экзотичнее.

Что ж, я невольно последовала примеру Фабиолы, выбирая одежду для слежки. Неброско и удобно. Проще простого слиться с толпой, хотя обычно я стремлюсь к обратному эффекту. Но сейчас другой случай. Фабиола не должна почуять слежки. Пока мы сами не решим показаться ей на глаза.

Судя по одобрительному взгляду, которым смерил меня Вацлав, с одеждой я угадала.

– Держи! – В его ладони мелькнула полоска стали.

Я непонимающе подняла глаза: зачем мне кинжал?

– Фабиола опаснее, чем ты думаешь, – сухо пояснил Вацлав. – Если что-то пойдет не так, я хочу, чтобы ты могла защитить себя.

– Придется поверить тебе на слово, ты же знаешь ее лучше, чем я! – Мой красноречивый взгляд на Вацлава впечатления не произвел и на откровенность его не вызвал. Я схватила кинжал, вложенный в ножны, не отказав себе в маленькой мести – пройтись ногтями по раскрытой ладони Вацлава. Тот даже не поморщился. Что ему моя царапина? За долгие годы работы Гончих он научился терпеть и не такую боль.

Я попыталась запихнуть кинжал в карман джинсов, ломая голову над еще одной тайной из прошлого Вацлава. Гончий знаком с Фабиолой, поэтому не желает до

поры до времени показываться ей на глаза. Хотела бы я знать, при каких таких обстоятельствах им приходилось встречаться! Но Вацлав по этому поводу хранил партизанское молчание. Попытки разговорить его в самолете ни к чему не привели, что только раздраконило мое воображение, которое до самого пути до Праги подбрасывало мне все новые версии знакомства Вацлава с Фабиолой, одна другой фантастичнее.

Фабиола – сводная сестра Вацлава, когда-то оттяпавшая все его наследство. А что, они даже чем-то похожи! Вот только Вацлав живет на свете уже лет двести, а Фабиола стала вампиром не раньше, чем два года назад. Как и остальные одиннадцать вампирш, которых мы ищем.

Фабиола – бывшая невеста кого-то из преступников, которых выследил и убил Вацлав.

Фабиола – любовь Вацлава. Ведь кому-то же он приготовил подарок в новогоднюю ночь. Вот только та счастливица живет в Москве, а Фабиолы я в это время в городе не видела. Если только она не приезжала тайно…

– Хватит копаться! – вернул меня в реальность голос Вацлава.

Устав наблюдать за моими беспомощными попытками спрятать кинжал в карман джинсов, Гончий сделал ко мне шаг, придержал за талию, а потом быстрее, чем я успела сообразить, задрал на мне джемпер, обнажив полоску на животе, и заткнул ножны кинжала за пояс.

– Это делается так, – спокойно сказал он, будто не замечая того, что я даже дышать перестала. И убрал руку с моего обнаженного живота, а отпечатки его пальцев на моей коже продолжили пульсировать, взрывая мой мозг желанием. Черт, а работать с Вацлавом будет куда сложнее, чем я это себе представляла.

– А теперь пошли. Фабиола, должно быть, уже заканчивает оформлять документы.

Я торопливо натянула короткую куртку и поспешила вслед за Гончим в промозглый пражский февраль.

Машина, которую взял напрокат Вацлав, ему совершенно не подходила. Серая, неприметная, безликая. То ли дело его мощный черный внедорожник, на котором он разъезжает по Москве. Но, похоже, при выборе автомобиля для слежки, Вацлав руководствовался теми же соображениями, что и я при составлении гардероба.

Вацлав оставил авто в нескольких шагах от парадного входа отеля, так что поджариться на солнце, выглянувшем из облаков, мы не успели. Машина завелась не сразу. Вацлав возился с ключами, сердился и ругался.

– Что, не удается найти общий язык? – поддела я. – Ты бы ее не руганью, а лаской. Она же все-таки девочка.

– Ты бы лучше пристегнулась, – угрюмо посоветовал Вацлав, наконец-то заводя мотор.

– Есть, Шумахер. Только по возможности езжай не очень быстро – хотелось бы все-таки разглядеть город, в котором я так мечтала побывать.

Вместо ответа Вацлав прибавил газу. Через пять минут мы уже были на месте и припарковались у обочины так, чтобы видеть выезд из гаража автосалона. Я огляделась – оживленная улица, современные коробки панельных домов, серый асфальт под колесами машины, витрины супермаркета через дорогу. И это знаменитая Прага? Где же готические башни замков, похожие на шпильки модных туфелек? Где вековая брусчатка? Где веселые пивные бары, в которых подают лучшее в мире пиво?

– Не туда смотришь, – отрывисто бросил Вацлав. – Вот она.

Острое зрение вампира мгновенно различило Фабиолу, сидящую за рулем небольшой черной иномарки. Нам даже разворачиваться не пришлось: Фабиола не стала возвращаться на дорогу, ведущую к отелю, а двинулась дальше по улице. Мы пристроились в хвосте. Вскоре вслед за Фабиолой мы въехали в Старый город, и я на время забыла о цели нашей поездки, вертя головой по сторонам.

Прагу не зря называют сказочной! Извилистые улочки, подобно руслу реки, огибают дома, и, кажется, за поворотом заканчиваются каким-нибудь порталом

в средневековье. Шпили храмов и башен пронзают небеса, и легко представить, как за решетчатым окошком какой-нибудь башни ждет своего принца сказочная Рапунцель, а в небе разве что парящих драконов не хватает. К отреставрированным фасадам домов примыкают потемневшие от времени каменные здания, которые, наверное, сохранились в первозданном виде с самой юности Вацлава. Интересно, что он чувствует, попав в город, где родился? Я взглянула на Гончего, но тот невозмутимо вел машину, следуя за Фабиолой.

– Вацлав, а сильно изменилась Прага со времен твоего детства? – окликнула я.

– Раньше не было машин и туристов, – сухо ответил он.

Мы как раз проезжали мимо группы китайцев, которые стояли у стен живописного дома и беспрестанно щелкали вспышками. Посмотреть бы хоть на настоящих пражан! Как они одеваются, что носят. Но вряд ли в историческом центре города встретишь коренных жителей. Это все равно, что искать москвичей на Красной площади или на Арбате.

Мы повернули вслед за Фабиолой и оказались на тихой улочке – такой узкой, что на ней не разъедутся две машины, поэтому движение было односторонним. А во времена Вацлава, должно быть, здесь могла проехать всего одна повозка, запряженная лошадью. И тогда, наверное, все прохожие были вынуждены жаться к стенам, чтобы ее пропустить. По одну сторону улочки виднелись фасады домов. Узкие, всего в три окна, и невысокие, по два-три этажа, они примыкали друг к другу плотным разноцветным забором – желтый, розовый, зеленый, голубой, снова желтый. С другой стороны улицы – глухая каменная стена без окон и дверей, только на уровне второго этажа ввинчены кованые уличные фонари. Идеальное место для охоты вампира – никто не увидит, никто не услышит.

Наконец Старый город с группами туристов остался позади, мы свернули в какой-то деловой квартал, и я с интересом уставилась на прохожих. Так вот они какие, модницы Праги! В моде определенно черное. Девушки одеты в узкие брюки или джинсы, заправленные в сапоги, сверху – короткие курточки. Так что я среди них запросто сойду за свою. То тут, то там мелькают яркие пятна: синий берет, желтые перчатки, красная сумка. Кому-то хочется выделиться из унылой черной толпы, и тогда в ход идут аксессуары. Впереди полыхнул алым костром красный шарф, и я, затаив дыхание, прильнула к стеклу. Француженка в красном шарфе в аэропорту Парижа подобрала оброненную мною Слезу

Милосердия – серебряный кулон, сделанный из кусочка из чаши легендарного Последнего Лорда. Этот кулон, выхваченный Аристархом из магического пламени, служил мне оберегом от влияния крови Жана и сдерживал порывы гнева, которые я приобрела вместе с кровью вампира. Но когда я обнаружила, что амулет потерян, я не стала спешить вслед за подобравшей его француженкой. Хочу быть самой собой. А слухи о кровожадности преемников Жана, похоже, сильно преувеличены. Ведь выяснилось, что у меня есть двенадцать кровных сестер, и они ни в каких кровавых преступлениях не замечены.

Машина поравнялась с девушкой в красном шарфе, я оглянулась, чтобы взглянуть ей в лицо. Конечно, это не она! И можно только гадать, в какую страну мира попадет Серебряная Слеза вместе со своей новой хозяйкой, которая ожидала рейса в международном терминале парижского аэропорта.

– Приехали. – Вацлав притормозил у обочины и кивком указал на Фабиолу, выходящую из машины. Ступив на тротуар, испанка уверенно зашагала вдоль кованого забора к открытым воротам с цветными растяжками по бокам.

– Музей?! – Я в удивлении протерла глаза, глядя на классическое здание за воротами и плакаты с объявлениями об экспозиции. – Она прилетела в Прагу, чтобы сходить в музей?

Фабиола тем временем вошла в ворота и неторопливо двинулась к зданию.

– И что ты на это скажешь? – спросил Вацлав, глядя на меня волком, как будто это я виновата в том, что мы вытянули пустой билет.

И тут меня осенила идея, в которую я даже сама поверила.

– Скажу, что лучшего места для тайной встречи двенадцати вампирш из разных стран и не придумаешь, – на одном дыхании выпалила я.

Вацлав недоверчиво поднял бровь.

– Смотри, – поторопилась развить свою мысль я, – солнце уже почти село. Если все вампирши еще не в сборе, то с наступлением сумерек даже самые

чувствительные к свету смогут добраться до музея.

Реакция на свет у всех вампиров индивидуальна. Яркое солнце неприятно всем. Есть такие, кто не может выносить дневного света и появляется на улице только с приходом ночи – например, бывшая парижская старейшина Вероник. В пасмурные дождливые дни, воспользовавшись солнцезащитным кремом, многие могут спокойно разгуливать по улице. К счастью, я из их числа. Но днем я из дома практически не выхожу – с вступлением в Клуб мой график жизни сдвинулся на ночное время. Ночь – время вечеринок и встреч с другими вампирами, а днем я отсыпаюсь, восполняя силы.

– До закрытия остается час, – скептически заметил Вацлав, провожая взглядом Фабиолу, приближающуюся к ступеням здания.

– Тогда нужно действовать быстро! Чего мы ждем? – Я приоткрыла дверь машины и в недоумении оглянулась на Вацлава, не тронувшегося с места.

– Ты забыла? Фабиола меня знает. Она не должна меня увидеть.

– Что ж, тогда я пойду одна.

Вацлав не стал ни возражать, ни препятствовать. Я с сомнением потопталась на тротуаре, не решаясь захлопнуть дверь.

– А если это будет опасно?

Он не высказал ни малейшего беспокойства:

– Не съедят же они тебя прямо в музее на глазах у посетителей и охраны!

– И почему мне кажется, что если это все-таки произойдет, ты не сильно-то и расстроишься? – буркнула я и от души хлопнула дверцей.

Фабиолу я догнала у кассы. За билетами выстроилась очередь, и нас разделяло человек десять. Когда я, наконец, получила билет, Фабиола уже минут пять, как скрылась в выставочном зале. Миновав контроль и войдя в музей, я растерянно огляделась. Народу было, как в ГУМе в первый день распродаж. Смешливые

школяры, шумные студенты, бойкие старушки, любопытные туристы толпились у витрин с экспонатами, переходили из зала в зал. И многие темноволосые, невысокие, в черной одежде, как Фабиола. Разве ее разглядишь в толпе?

Собравшись с духом, я двинулась по залу. Посетители вертели головами, рассматривая древности, а я обшаривала взглядом собравшихся, в надежде разыскать Фабиолу и чувствовала аромат людской крови, плывший по залу. Я не из тех вампов, что звереют в присутствии людей. Кровь, необходимую для получения жизненной силы, я пью из бутылочек с донорской кровью – при вступлении в Клуб каждый вампир получает талоны на питание, и его право использовать их или отказаться, самому занявшись своим пропитанием. Охота за одиноким прохожим или охмурение юнцов в ночных Клубах – не для меня. Хотя многие из вампиров находят в этом удовольствие. Такие, как я, предпочитающие донорскую кровь, в меньшинстве. Вацлав и Аристарх предпочитают живую кровь из вены. Интересно, каких взглядов на питание придерживается Фабиола?

В первых трех залах ее не оказалось. В четвертом демонстрировалась временная экспозиция – сокровища испанской короны. При виде бриллиантового ожерелья, сапфирового гарнитура и прочих безделушек испанских королев я на миг потеряла голову и позабыла обо всем на свете. До чего же хороши! И как изменчива судьба! Ведь еще недавно я могла бы купить себе одно из этих роскошных украшений. Месяц назад я узнала о том, что стала наследницей миллионного состояния Жана Лакруа как его единственная официальная кровная преемница. Дедушка Аристарх уже видел меня самой богатой невестой среди вампиров. Но я так и не успела почувствовать каково это – быть миллионершей. Меня обвинили в убийствах, которые я не совершала, заключили под стражу, вынесли смертный приговор и, если бы не вмешательство Вацлава в последний момент, привели бы его в исполнение. После того, как в ходе ментального допроса открылось, что это я убила Жана, а не Вацлав и его Гончие, как было объявлено официально, о миллионах пришлось забыть. Парижский Совет старейшин воспользовался случаем, чтобы отказать мне в правах на наследство и прибрать состояние Жана к рукам французского Клуба. И вот теперь о бриллиантах и рубинах остается только мечтать, глядя на них через стекло витрины.

Не знаю, сколько бы я простояла, восторженно изучая шедевры ювелирного искусства, но тут мое внимание привлекло другое сокровище – уже из области современной моды. Сумочку из кожи питона от дизайнера Боттега Венета, признанную лучшей сумкой прошлого года, я в любой толпе замечу. В аэропорту

Парижа именно она обратила мое внимание на Фабиолу, вот и сейчас дизайнерская вещица магнитом притянула мой взгляд. Испанка стояла среди экскурсантов, обступивших витрину в центре зала, и делала вид, что слушает гида. Хотя, может, она и впрямь понимает чешский?

Протиснувшись поближе, я увидела ее – самое большое сокровище экспозиции, предмет, которому отводилось центральное место в зале, венец всей коллекции. Это была королевская диадема, украшенная сотней ослепительных бриллиантов. Ювелир, создавший это чудо, был настоящим волшебником. Золотой каркас диадемы представлял собой тончайшее кружево, от него расходились многочисленные лучики, усыпанные бриллиантами. Каждая алмазная капелька, казалось, вобрала в себя целую радугу. Это не просто красивое украшение, это – мощнейший артефакт, который даже самую невзрачную испанскую принцессу сделал бы блистательной королевой. С такой радужной короной на голове вмиг избавишься от робости и неуверенности и ощутишь себя не только первой красавицей, но и властительницей мира. Я бы все на свете отдала, лишь бы примерить ее хотя бы на минутку.

Я невольно подалась вперед, стараясь запечатлеть в памяти каждый золотой завиток, каждую бриллиантовую росинку, унести в своем сердце кусочек этой волшебной радуги. Кто-то что-то резко сказал, и мои соседи отодвинулись от витрины, а я поймала на себе строгий взгляд гида и с неохотой отступила на шаг. А когда подняла глаза, чтобы еще раз насладиться зрелищем испанской короны, то увидела, как задорно сверкают через двойное стекло два угольно-черных агата – глаза Фабиола, смотрящие прямо на меня. Я помертвела – неужели, она меня узнала? Но Фабиола только улыбнулась и опустила голову, увлеченно разглядывая корону, так что две смоляные косы упали на грудь, а из ворота черного джемпера выскользнула цепочка со знакомым мне пазлом-кулоном. Похоже, мы разделяем одну и ту же страсть, и вампирша только поэтому отвлеклась от созерцания драгоценностей. А может, ее удивило наше сходство во внешности и одежде – в толпе нас можно принять за двойняшек. Так или иначе, корона целиком завладела вниманием Фабиолы – девушка просто приклеилась к стеклу. А мне даже не пришлось притворяться и искать повода не выпускать ее из виду. Я стояла по другую сторону витрины, одновременно любуясь короной и следя за вампиршей. Мы могли бы так простоять и ночь напролет, но музей стал закрываться, и смотрители принялись разгонять поздних посетителей.

– Ну что? – встрепенулся Вацлав, когда я села в машину.

– Я никого не видела, – с разочарованием доложила я.

К Фабиоле так и не подошел никто из одиннадцати вампирш. Правда, если бы кто-то из них передал ей записку через постороннего человека, воспользовавшись толчеей, я бы ничего не заметила. Но кому нужны такие шпионские страсти, когда в каждом мобильном есть возможность отправки смс?

– А она? – Вацлав кивком указал на Фабиолу, отчего-то не торопившуюся садиться в машину. Девушка с интересом вертела головой по сторонам, изучая высоту и ширину забора, так, будто бы он тоже представлял эстетическую ценность.

– Просто разглядывала экспонаты.

Вацлав иронически хмыкнул.

– И что именно? Корону испанской королевы Эсперанцы?

– А владелицу короны звали так? – оживилась я и тут же осеклась под насмешливым взглядом Гончего. Да, у меня не было времени прочитать табличку с историей короны! Мне было куда интереснее разглядывать ее саму. – А ты-то откуда знаешь?

Он взглядом указал на газету, лежащую на приборной панели.

– Сбегал в киоск. Все газеты пишут об этой выставке, ее ценности и беспрецедентных мерах безопасности для ее сохранности.

– Да? – Я с недоумением пожала плечами. – Не заметила, чтобы там было много охраны. Ну, ходил, какой-то хмурый шкаф с рацией – и все.

– Все дело в сигнализации, – снисходительно пояснил Вацлав.

Я с любопытством взглянула на здание музея, почти слившееся с сумерками.

– Хочешь сказать, с наступлением ночи там включаются такие лазерные лучи, как в кино?

– Не знаю, что там включается, но только директор музея во всех интервью распинается, что обойти эту систему охраны невозможно. Зря он так, ох, зря.

Я в растерянности промолчала, не понимая, что плохого в том, что директор уверен в сохранности доверенной ему коллекции.

– И как думаешь, – небрежно спросил Вацлав, – когда она собирается украсть корону?

– Что? – опешила я.

– Фабиола, – Вацлав кивнул на девушку, которая наконец-то села в машину. – Когда она планирует обчистить музей?

– Ты шутишь? – ошеломленно уточнила я.

– Какие уж тут шутки, – он скривил губы в усмешке. – Сначала я решил, что мы зря сюда приехали. Фабиола здесь по личным интересам, а не по делу двенадцати вампирш. Но потом сообразил, что если нам удастся поймать ее на выходе из музея с короной в руках, Фабиола более откровенно ответит на наши вопросы. Что скажешь?

– Я не верю, что ты это говоришь серьезно, – я замотала головой.

– Жанна, Фабиола – ловкая и дерзкая авантюристка, – просветил меня Гончий. – Корона для нее – лакомый кусочек. А то, что директор музея повсюду трубит о совершенной охранной системе, только распаляет ее азарт. Поверь мне, Фабиола здесь для того, чтобы ограбить музей. И она сделает это. Можешь в ней не сомневаться.

– Но на подготовку такого ограбления нужно время, – с недоверием возразила я. – В кино грабители готовятся не одну неделю, тщательно изучают систему охраны, ищут в ней уязвимые места, подготавливают маршрут отступления…

– Уверен, для Фабиолы это уже пройденный этап, – усмехнулся Вацлав. – Выставка открылась неделю назад. Спорим, она уже не впервые в Праге? Она разведала обстановку, съездила за необходимым оборудованием. Не знаю уж,

добыла ли она все нужное в Париже или туда она вернулась все-таки из-за своих кровных сестер, только теперь у нее есть все для того, чтобы осуществить свою затею.

– Но зачем ей идти в музей в рабочее время, если она там уже была? – не поняла я.

– Нужно же ей было убедиться, что за время ее отсутствия в системе охраны не произошло никаких изменений.

– Да она даже головы не поднимала! – возразила я.

– Это ты так думаешь, – отрезал он и с нотой восхищения в голосе заметил: – Фабиола – профессионал.

– Очень профессионально с ее стороны светиться на месте преступления! – язвительно отметила я. – Если внутри есть камеры, она на всех них запечатлелась.

– Думаю, она хорошо изучила расположение камер, чтобы не совершить этой ошибки, – Вацлав завел мотор и двинулся вслед за неприметной машиной Фабиолы. – Спорим, сейчас она объедет всю ограду по периметру?

Я не проронила ни слова, пока мы не сделали круг вдоль забора, подтверждая теорию Вацлава.

– Ну что? – с мальчишеским самодовольством спросил он.

– Я не понимаю только одного, – сухо ответила я. – Откуда ты ее так хорошо знаешь?

– Мы работали с ней одно время, – скупо сообщил он.

– Фабиола была Гончей? – Я в изумлении уставилась на него.

– Нет, она просто помогала нам в одном деле.

– Что за дело?

– Это неважно.

Проще узнать у светской львицы телефон ее стилиста, чем выяснить у Вацлава подробности знакомства с Фабиолой!

– И в каких вы были отношениях? – невинно поинтересовалась я. – Если ты так боишься показываться ей на глаза. Что, задолжал ей зарплату?

Вацлав ухмыльнулся.

– Не волнуйся, я расплатился с ней сполна. Финансовых претензий у нее ко мне быть не должно.

«А каких – должно?» – чуть не вырвалось у меня, но я вовремя прикусила язык.

Ясно же, что Вацлав никогда не расколется. К чему выставлять себя на посмешище?

* * *

Фабиола

Два года тому назад

Барселона

Закрытых дверей, запертых сейфов и невскрываемых замков для Фабиолы не существовало. Причин на то было три: ловкость рук, острота ума и редкая интуиция, которая ее никогда не подводила. Фабиола всегда чуяла, какой из замков поддастся, а какой даже не стоит пытаться взломать. Легкий куш или большие неприятности – врожденная проницательность всегда подсказывала ей верный итог предприятия.

Однако открывать замки приходилось по ночам, а в ночной Барселоне хватало опасностей для хрупкой юной девушки. Поэтому когда на темной улице ей перегородили дорогу три мужских фигуры, Фабиола, недолго думая, сиганула в арку ближайшего дома. Интуиция вопила: спасайся, неприятности! И Фабиола рванула со всех ног. Кроме девичьей чести, она могла потерять и кое-что посущественнее: в ее потертом рюкзачке лежал бархатный футляр с бриллиантовым колье, который она только что выкрала из сейфа одного богатого сеньора. И надо же было именно сейчас натолкнуться на ночных хулиганов, вышедших на улицу в поисках развлечений!

Парни были настроены решительно: грохот их тяжелых ботинок за спиной недвусмысленно сообщал о погоне. Девушка метнулась к ближайшему подъезду, но входная дверь оказалась заперта кодовым замком. Подбирать пароль не было времени, и Фабиола бросилась к следующему подъезду. Здесь ей повезло больше: какой-то доброжелатель, да поможет ему святая дева Мария, накарябал рядом с панелью замка четыре заветные цифры. Быстро набрав код, Фабиола потянула на себя тяжелую дверь и нырнула в сырое нутро подъезда, успев заметить, как во двор вбежали ее преследователи.

Фабиола с досадой чертыхнулась и припустила вверх по лестнице. Разумеется, они заметили, где она скрылась. Теперь им хватит минуты, чтобы найти записанный на двери код, и войти внутрь. Появись они во дворе мгновением позже, она бы успела спрятаться, и хулиганы, в растерянности повертев головами, покинули бы тихий дворик. А она бы выждала полчаса для верности и продолжила свой путь домой. Сейчас же парни еще больше распалились, почувствовали вкус погони и не оставят ее. По их представлению, она сама загнала себя в ловушку. Другого выхода из подъезда нет, значит, они настигнут ее здесь. Кричать и звать на помощь жителей и полицию в ее-то положении, с ворованным колье в рюкзачке, равносильно самоубийству. В конце концов, уж лучше потные руки хулиганов и несколько тошнотворных минут, чем тюремные нары и годы заключения. Впрочем, учитывая, какого человека она обворовала сегодня, до тюрьмы она не доживет. У сеньора Б. в городе все схвачено, и уж он-то сам захочет разобраться с дерзкой девчонкой, посмевшей вскрыть его сейф и украсть фамильные драгоценности…

Но у нее еще есть шанс спастись. Пока ее преследователи перебегали двор, выискивали надпись и набирали цифры на домофоне, Фабиола, припадая то к одной двери, то к другой, искала себе укрытие. Шансы на спасение таяли с каждой дверью. В поздний час все жители были дома. Из-за закрытых дверей

доносились крики младенцев, ругань супругов, приглушенное бормотание телевизора.

Фабиола взбежала на площадку четвертого этажа, когда внизу грохнула дверь, впуская в подъезд ее преследователей. Времени на раздумья уже не оставалось. Быстро оглядев четыре двери на площадке, она в отчаянии бросилась к одной из них. Припала ухом – из квартиры не доносилось ни звука. А может, их просто не было слышно из-за шагов, которые гремели по лестнице, с каждой секундой приближаясь к ней. Фабиола выдернула из заколотых волос шпильку-отмычку и просунула ее в замочную скважину. Волосы тяжелой волной упали на лоб и плечи. Фабиола нервно сдула прядь со лба и провернула отмычку. Замок отозвался спасительным щелчком, и, навалившись на дверь, девушка попала внутрь. Шаги грохотали совсем близко. Фабиола быстро заперла замок и воровато оглянулась: квартира, в которую она проникла, выглядела темной и пустой. Небольшая студия: маленькая прихожая ведет в гостиную с телевизором и большой кроватью. Разглядеть ее толком девушка не успела: на площадке послышались шаги, и ее преследователи остановились на этаже.

– Где она?

– Я уверен, она скрылась где-то здесь!

Стараясь не дышать, Фабиола прильнула к дверному глазку и чуть не вскрикнула. Один из преследователей, мрачный крепыш с низким лбом и глазами бульдога, смотрел прямо на нее. Точнее, на дверь, которая их разделяла. Двое других, как вороны, кружили по площадке, переходя от одной двери к другой. Всего на площадке было четыре квартиры. Но парень с бульдожьим взглядом, который был в тройке главным, каким-то особым нюхом опознал именно ту дверь, за которой скрылась она…

Фабиола еле слышно, как мышка, попятилась назад, словно боясь, что хулиган может почуять ее запах. Какие глупости! Здесь она в полной безопасности. Не будет же он взламывать дверь. Тем более, он даже не уверен, что она скрылась за нею. Сердце колотилось как бешеное. Даже когда она подбирала код к сейфу сеньора Б. она так не волновалась. Все хорошо, мысленно успокаивала себя Фабиола, медленно отступая назад, я здесь в полной безопасности, в полной безопасности, в полной… Мысль напоролась на острие ножа, которое уткнулось в бешено колотящуюся жилку на шее.

– Ты кто такая? – прозвучал ледяной мужской голос за спиной. – И как ты сюда попала?

Сердце камнем ухнуло вниз. Она все-таки ошиблась в выборе квартиры. И еще как ошиблась! Интуиция, всегда срабатывавшая с сейфами, на этот раз дала осечку и привела ее прямиком в логово людоеда. Из огня да в полымя! Еще неизвестно, что хуже – вытерпеть глумливую ухмылку на лице крепыша с бульдожьим взглядом или взглянуть в глаза обладателю этого ледяного голоса. Судя по тону, незнакомец не просто не рад ей, он уже мысленно перерезал ей горло и похоронил в лесу под Барселоной. Если у нее и остался шанс выжить, то только сейчас, пока она еще не видела его лица и его глаз. После будет поздно. Живой ее незнакомец не выпустит.

– К стене! – Острие впилось в кожу, подталкивая вперед.

Фабиола повиновалась этому требовательному, неумолимому голосу: вжалась в стену, подняла руки, расставила ноги. Сильные ладони профессионально ощупали от макушки до кедов. Лезвие ножа мотыльком протанцевало по ее телу, выбило из пальцев зажатую шпильку.

– Они послали убийцу со шпилькой в руке? Забавно, – отрешенно прозвучал голос.

На площадке в это время послышалась возня. Хулиганы звонили в дверь соседней квартиры и требовали выпустить их сестренку, которая закапризничала и сбежала.

– Меня никто не посылал. Я убегала от них, – выдохнула Фабиола, не оборачиваясь. – Они погнались за мной, и я… я просто не знала, как спастись.

– Поэтому ты решила вскрыть первую попавшуюся квартиру и переждать здесь? Интересно.

Сердце Фабиолы продолжало бешено колотиться, а от голоса, говорящего на ее родном языке с легким акцентом, ее окатило жаром.

С площадки донеслась раскатистая ругань. Потревоженный сосед обещал вызвать полицию, если хулиганы не угомонятся. Дверь захлопнулась, Фабиола вся обратилась в слух. Замер и незнакомец, по-прежнему не отнимая ножа. Только теперь он держал его не у шеи Фабиолы, а упирал в бок.

Хулиганы потоптались, но не ушли. Дверной звонок прозвучал как выстрел. Фабиола испуганно дернулась, и острие ножа вспороло ветровку, полоснуло майку и вскользь прошлось по коже. От боли девушка вскрикнула, а дверной звонок еще больше завибрировал, заколотили по двери кулаки.

– Открывай, сестренка! Мы знаем, ты здесь.

Незнакомец с досадой чертыхнулся, убрал нож и велел:

– Жди здесь.

Шаги босых мокрых ног застучали по полу, и Фабиола, зажимая рукой неглубокий порез на талии, обернулась. Незнакомец, державший ее на острие ножа, был гол. Его спортивный торс с широкими плечами был обнажен, а бедра были обернуты банным полотенцем. Судя по всему, в тот момент, когда Фабиола открывала замок, он принимал душ. А когда она вошла внутрь, он как раз закончил водные процедуры. Поэтому она не услышала шума воды, а он уловил шорох в комнате и застал ее врасплох, подкравшись со спины.

Мужчина положил руку на замок, и сердце Фабиолы ухнуло вниз. Что он делает? Он отдаст ее им? Ну конечно! Какое ему дело до девчонки, которая пробралась в его квартиру! Это не его проблемы, а только ее.

Дверь открылась вовнутрь, и парень с бульдожьим взглядом, колотивший в нее все это время, по инерции влетел за порог.

– А, вот и ты, крошка! – Отыскав глазами Фабиолу, он удовлетворенно ухмыльнулся и подался к ней.

От его ухмылки Фабиолу резко затошнило, и она отступила к стене, чувствуя, как ее бьет дрожь.

Но дальше порога крепыш не попал: уткнулся в мощное плечо незнакомца.

– Амиго, – начал крепыш, поднимая глаза, – не лезь в это дело. Это наша сестричка, она…

Тут крепыш встретился взглядом с мужчиной, и с его лица мигом стерлась мерзкая ухмылка, а от кожи отхлынула вся кровь. Он отпрянул за порог, к облегчению Фабиолы, скрывшись из ее виду.

– Чтобы духу вашего здесь не было, – ровным тоном произнес мужчина. Казалось, его ничуть не смущает, что он стоит перед незнакомыми парнями в одном полотенце и с голыми руками. По его поведению хозяина положения можно было подумать, что у него в руках как минимум пистолет, а как максимум – банда преданных головорезов за спиной. – И забудьте о девушке. Тронешь ее хоть пальцем – убью. Понял?

Из-за двери донесся сдавленный скулеж.

– Понял? – с нажимом повторил мужчина.

Фабиола не могла этого видеть, но она живо представила себе, как горбятся под властным взглядом незнакомца ее преследователи, как отводят глаза, не в силах его выдержать. Интересно, какого цвета у него глаза? Стальные, как лезвие ножа, которое пробороздило ей бок? Угольно-черные, как пепел Везувия? Карие, как опаленное молнией дерево? Ей нельзя их видеть, никак нельзя, вспомнила она. Пока она не видела его лица, у нее еще есть шанс спастись, потом уже не будет.

Поздно.

Дверь с хлопком закрылась. Проехавший по двору автомобиль осветил силуэт мужчины, похожий на статую атланта у входа в поместье сеньора Б. Только этот атлант был живым и… мокрым. Вспышки фар выхватили из темноты густые темные волосы, влажные от воды, высокий лоб, упрямый подбородок, легкую щетину на лице. И Фабиолу вдруг покинул страх. Она любила красоту во всех ее проявлениях, будь то сияние бриллиантов, ограненных рукой гениального ювелира, как те, которые лежали сейчас в ее рюкзачке, валявшемся у стены, или брутальная красота мужского лица, на миг освещенного фарами авто. От рук

такого мужчины и умереть не жалко.

Он что-то спросил у нее, но она не поняла.

– Что?

– Я тебя сильно задел? – повторил он, зажигая светильник у входа, и в невозмутимом спокойствии его низкого голоса завибрировала едва заметная нотка тревоги.

Фабиола отняла от раны мокрую ладонь. Та была в крови. В глазах помутилось, откуда-то сбоку метнулась темная тень. Подняла глаза – и споткнулась о взгляд мужчины. Цвета глаз и не разобрать – в нем мечутся шаровые молнии, извергается ливнем грозовое небо и гремит гром. Из его плотно сжатых губ вылетает короткое слово.

– Что? – не понимает Фабиола.

Его ладони легли ей на плечи, сорвали куртку, задрали пропитавшуюся кровью майку.

– Ерунда. Царапина. – В голосе слышится облегчение. – Жить будешь. Иди, – он подтолкнул ее к двери в ванную. – Приведи себя в порядок.

На ватных ногах Фабиола добралась до ванной, закрыла дверь на задвижку, без сил прислонилась к прохладному кафелю. Жить будет? Так он ее отпустит? Этот таинственный мужчина, который умеет подкрадываться как тень и обращает в бегство хулиганов одним своим взглядом? В чью же квартиру ей не повезло забраться? Это даже не мафиози Б., это боец высшего класса. Фабиола задрала майку, схватила чистое полотенце, лежащее у раковины, смочила его водой и обтерла кровавые подтеки. Порез получился неглубоким и уже не кровоточил. Незнакомец прав, волноваться не о чем…

Взгляд Фабиолы упал на корзину с бельем, с которой она взяла полотенце, и ее обдало как огнем. Внутри была смятая мокрая футболка. Абсолютно черная, но пятна на ней были не от воды и не от пота. Воровато оглянувшись на дверь, Фабиола наклонилась к корзине и вытащила влажную футболку. Пятна были

липкими, а кончики пальцев запачкались алым. Кровь!.. В ушах застучали барабаны, к горлу подкатил комок тошноты. Футболка выскользнула из пальцев прямиком в корзину.

Фабиола поспешно закрыла крышку, положила сверху полотенце и склонилась над раковиной, зачерпывая в ладони ледяную воду и умывая ей лицо. Кто же он, мужчина в комнате? Кровь не его. Она видела его обнаженное тело, и на нем не было ни царапины. Может, он киллер, только что вернувшийся с задания? Чепуха. Холодная вода действовала отрезвляюще, и Фабиола отвергла эту версию. Киллер убивает на расстоянии из снайперской винтовки. В крайнем случае, расстреливает из пистолета в упор. Но ни в том, ни в другом случае одежду кровью не запачкаешь так, что ткань полностью пропитается. Быть может, он маньяк-убийца, разрезающий жертв на мелкие кусочки? Да нет, не могут у маньяка быть такие умные, проницательные глаза… А что, если он агент ФБР? И только что вернулся из какой-нибудь перестрелки с преступниками? Это объясняет и его мгновенную реакцию, и владение собой, и то, как он обратил в бегство хулиганов. А на полу у входной двери лежит ее рюкзачок с колье стоимостью в триста тысяч долларов! Надо срочно забрать его оттуда, пока он не увидел.

Фабиола метнулась к двери и застыла на пороге. Напротив ванной стояла кровать, а на кровати валялось в беспорядке содержимое ее рюкзачка. Мужчина, уже успевший надеть джинсы, стоял у письменного стола и, включив лампу, разглядывал футляр с бриллиантами.

– А ты не так проста, как кажешься. – Он поднял на нее глаза. – Да, сеньорита?

Фабиола испуганно сглотнула. В глазах, цвета которых она так и не смогла разобрать, сейчас извергалась вулканическая лава и полыхал пожар, приравниваемый к стихийному бедствию. Она пропала.

– Не бойся, я не агент ФБР, – усмехнулся он, словно читая ее мысли. – И мне нет никакого дела до того, у кого ты украла эти драгоценности. Ведь эти парни преследовали тебя не из-за них?

Фабиола замотала головой.

– Я так и думал.

Он закрыл футляр и кинул его ей. Фабиола механически поймала.

– Хорошая реакция, – похвалил он и равнодушно добавил: – Что ж, ты можешь идти.

Фабиола не двинулась с места. Он понял ее замешательство по-своему.

– Этих парней можешь не бояться. Они тебя не тронут.

В комнате повисла томительная тишина. Незнакомец выжидающе смотрел на Фабиолу, та беззастенчиво разглядывала его. Несмотря на свои девятнадцать лет, Фабиола имела немалый опыт в отношениях с мужчинами. У нее были мелкие жулики и виртуозные авантюристы, которые научили ее своему мастерству, заносчивые банкиры и скучные дельцы, впоследствии становившиеся ее жертвами. Был даже один напыщенный граф, который страшно гордился своими семейными драгоценностями. И, к чести Фабиолы, надо сказать, что коллекция эта на момент расставания с графом, оказавшимся редким занудой и скупердяем, значительно поредела. Иногда Фабиола влюблялась – страстно и на всю жизнь. Обычно этот период не длился больше двух недель. Но это время было ослепительным фейерверком, извержением вулкана, ярким веселым карнавалом, а ее избранниками становились молодые амбициозные артисты, неизвестные музыканты, непризнанные художники. Всех их объединяло одно – внутри них полыхал костер, такой же, как в душе у самой Фабиолы. Но такого мужчины, как стоял перед ней сейчас, – сильного, смелого, властного и смертельно опасного, в глазах которого полыхает не просто костер – целый пожар, у нее не было никогда. И не будет никогда впредь. Есть только эта ночь и этот шанс почувствовать, каково это, когда два пожара сходятся вместе.

– А если я не хочу… идти? – надтреснутым голосом спросила она.

Пожар в глазах мужчины вспыхнул так ярко, что Фабиола на миг испугалась, что он выплеснется наружу и сожжет и эту комнату, и весь этот дом, и целый квартал вокруг.

– Что ж, – он усмехнулся, – тогда ты можешь остаться.

Они шагнули друг к другу одновременно, столкнулись, словно выброшенные на берег волной, и, едва коснувшись руками, отпрянули в стороны. Прикосновение пальцев взорвалось молнией. Неловко улыбнулись друг другу – разве могло быть иначе? Он погладил ее по щеке. Эта скупая ласка скользнула по коже огненной саламандрой и, казалось, навсегда впечаталась в нее, оставив след. Но это уже было неважно. Фабиола согласилась бы сгореть в инквизиторском костре наутро, лишь бы только провести эту ночь с ним. Эта ночь будет вспышкой молнии, ударом грома, столкновением стихий, которое непременно обернется ураганом.

А глаза у него серые, успела заметить Фабиола, прежде чем нырнуть в пожар его ищущих губ. Серые, как пепел над Помпеями.

* * *

Вечерняя Прага завораживала блеском огней. Цепочки уличных фонарей были похожи на драгоценные ожерелья. Подсвеченные фасады самых красивых зданий и храмов было видно издалека. Их светлые силуэты выступали из мрака сказочными дворцами, на устремленных ввысь верхушках трепетали крошечные огоньки, и казалось, что на шпили нанизаны звезды. Деревья вдоль оживленных улиц были наряжены в искрящиеся гирлянды, и можно было представить, что на ветвях, припорошенных снегом, расположились тысячи светлячков.

Ночной наряд современной Праги произвел впечатление и на Вацлава. Он признался, что во времена его молодости город был освещен лишь тусклыми уличными фонарями.

Мы ехали вслед за Фабиолой мимо зазывно светящихся окон ресторанов и завораживающих витрин модных магазинов. Беззаботные туристы сновали по улочкам, то заходя в сувенирную лавку, то соблазняясь на кружечку знаменитого чешского пива в одной из пивной. С одной из них, «У Флеку», мы как раз поравнялись. И я заметила, как Вацлав на миг отвлекся от дороги, повернув голову и рассматривая желтое здание, двухэтажное и длинное, довольно неказистое, в сравнении с живописными пражскими домами, но выглядевшее старинным. Любопытно, что его могло заинтересовать? Таким взглядом обычно рассматривают памятные места прошлого. Но мне было трудно представить Вацлава, пропускающего кружку пива в подобном заведении. Хотя сама я бы не отказалась сейчас заскочить внутрь. К пиву я равнодушна, но

побывать в Праге и не отведать знаменитого чешского пива – большое упущение.

У входа стояла веселая толпа туристов, до меня донеслась громкая русская речь. Счастливые! Им не надо никого выслеживать, они приехали в Прагу отдыхать. Когда мы поравнялись с входом, оттуда как раз вывалилась компания изрядно захмелевших приятелей, и Вацлав разве что шею не свернул, словно пытался заглянуть внутрь пивной.

– Знакомые места? – поддразнила я его.

Реакция Гончего меня ошеломила: он вздрогнул, словно я уличила его в чем-то постыдном, и, пробормотав что-то невразумительное, уставился на дорогу, демонстрируя полное безразличие к пивной.

«У Флеку» осталась позади, и вскоре мы свернули на улицу, ведущую к нашему отелю. Фабиола припарковалась первой, оставив машину неподалеку от входа. Когда она скрылась за дверями отеля, я шевельнулась, собираясь выйти, но Вацлав неожиданно удержал меня за плечо.

– Мы останемся здесь.

– Что, даже не поужинаем? – Я недовольно нахмурилась.

– Я уверен, Фабиола скоро появится. Она сделает это сегодня ночью.

– Почему ты так уверен? Она тебе записку написала?

– Просто я ее знаю. Она не любит ждать. – И все, больше никаких дополнений и объяснений.

Что ж, я угрюмо отвернулась к окну, я все равно все узнаю. Не люблю неопределенности.

Мы прождали почти три часа. Фабиола за это время, наверное, успела провести чудесное время в ресторане и распробовать все имеющиеся в наличии кнедлики. Я вся извелась от скуки, в отсутствие «Космополитана», телевизора и ноутбука с

выходом в Интернет, который остался в номере. Кажется, я успела выучить наизусть все завитушки фасада дома, у которого мы припарковались, и умирала от голода, но не показывала своего раздражения. Во многом потому, что сам Вацлав был спокоен, как пульс покойника. Только неотрывно смотрел на входные двери отеля, чтобы не упустить появление Фабиолы. Похоже, ситуация была для него будничной и за долгие годы работы Гончим он привык к долгой слежке, которая меня уже сводила с ума. Не добавляла безмятежности и близость Вацлава, которая искушала, заставляла кровь шампанским бурлить в венах и будила во мне нескромные желания… Вспомнилось, как он поцеловал меня в подвале, где меня держали парижские Гончие. Что это было? Признание? Или утешение? Или глупость, за которую он винит себя? Ненавижу определенность. Не могу больше делать вид, что все забыла. Хочу выяснить все сейчас.

И вот уже, поддавшись этому искушению, я стремительно повернулась к Вацлаву. Подалась к нему всем телом, стремительно сокращая расстояние между нами. Зрачки Вацлава расширились, а глаза сделались совсем черными, как в ту ночь в парижском подземелье, когда он меня впервые поцеловал. Это придало мне смелости, и я кинулась в поцелуй, как в море с разбега. Наши губы встретились на короткий миг, и меня захлестнуло волной желания. Соприкосновения губ было слишком мало. Хотелось обнять его всего, сплестись с ним всем телом. Продолжая целовать, я прижалась к нему грудью, коснулась щеки Вацлава ладонью, укололась о щетину и обожглась, внезапно осознав, что не чувствую ответной ласки. Я отшатнулась, и меня словно выбросило на берег сильной волной, больно приложив о камни и оглушив. Я вынырнула из этого поцелуя, чувствуя себя коварной русалкой, влекущей на дно доброго молодца. Вацлав ошарашенно смотрел на меня, его губы наливались краской от моего страстного поцелуя, а мои щеки заполыхали от стыда. Что я натворила? Что себе навоображала? Зачем все усложнила? И как теперь смотреть в глаза Вацлаву, который не знает, куда деться от моей внезапной вспышки страсти?

– Извини, – сдавленно пробормотала я, отстраняясь, – не знаю, что на меня нашло…

Но он не дал мне сбежать, не дал договорить свои нелепые извинения. Порывисто наклонившись ко мне, он вжал меня в спинку сиденья и припал ко мне жадным ртом. Его руки нырнули под курточку, до боли стискивая ребра, так что мне стало нечем дышать, а поцелуй неистовым пожаром жег губы, словно стремясь выплеснуть весь огонь, который полыхал в сердце Вацлава и о котором

я даже не подозревала. Поцелуй не был нежным, это была ласка на грани боли, которая рождала стон. И я впервые в жизни поняла, что страсть, которая обжигает, это не просто слова. А пальцы Вацлава тем временем ловко освободили мои волосы от краба и нежно разворошили их, распустив по плечам. Не прерывая поцелуя, Вацлав обхватил меня за шею, нащупал застежку молнии на куртке. Его руки ловко освободили меня от куртки, пробрались под свитер, заставляя меня задыхаться от желания, шептать его имя и самой выгибаться навстречу его нетерпеливым пальцам, уже добравшимся до молнии джинс. И нам было уже наплевать на прохожих, которые куда-то спешили по своим делам, и на Фабиолу, которая собиралась ограбить самый охраняемый музей Праги…

– Жанна, Жанна! – кто-то тряхнул меня за плечо, и я открыла глаза. Надо мной склонился Вацлав, и я невольно подалась к нему, желая продолжения прерванной ласки, но осеклась при виде его отчужденного взгляда.

– Кошмар приснился? – сочувствующе спросил он. – Ты стонала во сне.

С меня мигом слетели остатки сладкой дремоты. Вспыхнув, я откинулась на спинку сиденья, радуясь, что в сумерках мои стыдливо заалевшие щеки не видны. И особенно тому, что мои страстные стоны Вацлав списал на счет кошмара. Хотя он слишком воспитан для того, чтобы поржать над тем, что мне приснился эротический сон. Наяву я вся продолжала гореть от тех ласк, которые мне привиделись, и хотелось прижаться лицом к холодному стеклу, чтобы снять этот жар.

– Долго я спала? – сконфуженно пробормотала я.

Вацлав пожал плечами. Понятно, ответа от него не добьешься. Надеюсь, что во сне я не выгибалась дугой и не шептала его имя. Стыд-то какой! Я глянула на наручные часики. Ничего себе! Уже четверть первого!

– Тебе не кажется, что Фабиола уже не… – начала я, желая убедить его в тщетности слежки и уговорить отправиться в отель, чтобы нормально выспаться.

Но Вацлав перебил меня:

– А вот и она!

Действительно, из дверей отеля выпорхнула гибкая черная фигурка и уверенно направилась к припаркованной машине.

– Пристегнись! – коротко бросил Вацлав, заводя мотор. – Начинается самое интересное.

* * *

Фабиола

Год назад

Корсика

Все оказалось даже легче, чем она рассчитывала. Музей она знала как свои пять пальцев, но навороченная система охраны внушала опасения в успехе мероприятия. Однако ее маленькая сообщница, белая мышка, купленная в зоомагазине, помогла обойти и эту преграду. После того, как машины полиции четырежды срывались на зов сигнализации, систему было решено отключить. Четыре бравых офицера заняли пост у витрины с легендарным красным алмазом, не подозревая о том, что за стеклом уже лежит подделка. А Фабиола, скрывшаяся в вентиляционном люке, смогла спокойно покинуть музей через служебный вход.

Выбравшись за ограду, она перекинула рюкзачок через плечо и весело зашагала налево по переулку. Пойди она направо, уперлась бы в фонтан на площади перед музеем. Налево же ее ждала тихая улочка со спящим жилым кварталом, где в такое время не было видно ни души. Что может быть лучше для девушки, которая мечтает остаться невидимкой?

Все складывалось самым замечательным образом. Интуиция, обещавшая легкий куш, не подвела и на этот раз. Вот только какой-то идиот перегородил выход из переулка своей пижонской тачкой. Такая же была у ее недавнего приятеля, Винченцо, на память о романе с которым она, без ведома того, оставила себе картину одного знаменитого художника. Винченцо все равно не имел ни малейшего представления об ее истинной ценности: он повесил «мазню» у входа

в туалет и в конечном итоге погубил бы произведение искусства. Можно сказать, что Фабиола спасла творение мастера. В ее руках полотно задержалось недолго, и она безо всяких сожалений продала его страстному ценителю живописи, отвалившему за нее целое состояние. Сорвав такой куш, Фабиола могла бы на несколько лет осесть в домике на берегу Таиланда и ни о чем не думать. Но когда она уже выбирала себе один из многочисленных тайских островов, колеблясь между Пукетом, Самуи и Чангом, в новостях передали, что в корсиканский музей везут легендарный алмаз «Красная принцесса», известный своей редким рубиново-красным цветом. Фабиола прильнула к голубому экрану, на котором директор музея соловьем разливался о суперсовременной охранной системе, взломать которую не под силу никому на свете. Ох, зря он это сказал! Райские острова Таиланда тут же отошли на второй план, а в глазах Фабиолы загорелся азарт. Захотелось во что бы то ни стало доказать прилизанному франтику, что он глубоко ошибается. Впрочем, ему это позволительно. Он же не знает, что перед ней, Фабиолой, нет закрытых дверей. Еще не знает.

И вот сейчас, неся в заплечном рюкзачке знаменитый алмаз и чувствуя, как за плечами разворачиваются крылья, Фабиола уже предвкушала, как наутро купит билеты в Бангкок. Сегодняшний трофей она пока припрячет от всего мира в своем укромном сейфе. Для камня с пятивековой историей пара-тройка лет ничего не значат. А когда страсти вокруг кражи поутихнут, тогда-то она и подыщет алмазу нового владельца. Пока же она уходит на длительные каникулы и оставит авантюрные приключения ради безмятежного валяния на пляже. А остров можно выбрать и по прибытии. В конце концов, у нее впереди вся жизнь, чтобы объехать все острова Таиланда.

Все было хорошо, все было просто замечательно. Если бы еще не этот придурок, перегородивший выход из улочки. Ну да ничего! Если надо будет, она взберется на крышу крутой тачки, станцует на ней победную тарантеллу и продолжит свой путь.

Фабиола была уже в трех шагах от машины, когда внезапно сбоку раздался щелчок зажигалки, и сноп искр осветил лицо прислонившегося к стене человека. На миг Фабиола остолбенела, убежденная, что это засада и ее поймали с поличным. Сердце пропустило удар, сжавшись в предчувствии катастрофы. Но мужчина не выглядел как полицейский. Он был одет в дорогой костюм, на запястье блеснул настоящий «Ролекс», да и стрижка была слишком безупречной, а лицо – аристократичным, чтобы принадлежать тупому копу. Успокоившись, Фабиола призывно улыбнулась. Незнакомец вполне мог принести

дополнительные дивиденды в ее золотой запас, да и собой он был весьма хорош, в отличие от ее последнего любовника, банкира с рыхлым пивным животиком и лошадиным лицом, единственным достоинством которого был набитый золотыми слитками сейф.

Мужчина по-прежнему держал зажигалку горящей, но не пытался прикурить, а только молча разглядывал Фабиолу жадным, голодным взглядом. Этот взгляд окончательно убедил девушку в том, что перед ней не переодетый коп. Так смотрят не на подозреваемую, не на преступницу, не на воровку, так смотрят на красивую и желанную женщину.

– Иди сюда, – тихо позвал он ее по-испански, затушив зажигалку, и она порывисто шагнула в тень, повинуясь его зовущему взгляду.

От него пахло дорогими духами, красивой жизнью и счастьем. Фабиола никогда не задумывалась, как пахнет счастье, но теперь она впервые ощутила его аромат – тягучий, сладкий, пьянящий. Он властно притянул ее к себе, и его руки на удивление равнодушно скользнули по ее обтянутым джинсами крутым бедрам и упругой груди под тонкой тканью майки. Зато они надолго задержались на шее, лаская ее так, словно она была нежнейшим шелком, и Фабиола чуть не замурлыкала от удовольствия, доверившись этим сильным ласковым пальцам. Мужчина наклонился к ней, и по ее шее затанцевал холодок его мятного дыхания. Захотелось поймать его губами, вдохнуть всей грудью, но, когда она потянулась к нему с поцелуем, незнакомец мягко отвернулся, продолжив выписывать морозные узоры на ее шее. Что ж, если ему так нравится…

Фабиола совершенно разомлела от его утонченных ласк. Рюкзачок с драгоценным камнем выпал из дрожащих пальцев, тело льнуло к мужчине, моля о любви. Внезапно мятное дыхание сгустилось до холода металла и кольнуло кожу сталью, вернув в тот далекий, но такой памятный вечер, когда она, удирая от хулиганов, попала в квартиру мужчины с пожаром в глазах. Скосив глаза, Фабиола увидела приставленное к горлу острие кинжала.

– Что ты делаешь?

– Заткнись, – прорычал мужчина и по-звериному оскалился.

Маньяк, в панике поняла Фабиола. Он ее сейчас прирежет, этот стильный холеный красавец в дорогом пиджаке от Армани, и глазом не моргнет. И не будет уже ни закатов на морском берегу, ни шепота волн, ни гамака между пальмами, ни сока из кокоса…

– Послушай, – горячо зашептала она, – отпусти меня. У меня в рюкзаке алмаз ценой в целое состояние. За него можно выручить больше миллиона!

– Заткнись! – повторил он, и лезвие прочертило кожу Фабиолы. От вида крови глаза его сделались совершенно безумными, он припал к ее шее и жадно втянул рану губами. В тишине спящего квартала послышалось алчное лакание. У Фабиолы подкосились ноги, когда она поняла, что он пьет ее кровь. Маньяк, убийца, кровосос…

Внезапно он оторвался от нее и повернул голову. Со стороны музея сквозь грохот барабанов в ушах до Фабиолы донесся вой сирен. Сквозь сумрак беспамятства где-то вдалеке промелькнули сигнальные огни.

– Что за черт? – раздраженно выругался убийца.

– Это алмаз, – полуобморочно прошептала Фабиола, – я выкрала его из музея. Наверное, пропажу обнаружили.

– Ты выкрала из музея «Красную принцессу»? – Он так и впился в нее глазами.

– Ну да, – она торопливо кивнула на рюкзачок у ног. – Он там. Забирай его, только не трогай меня.

– Пошли! – Он с силой схватил ее за руку, поднял с земли рюкзак и поволок ее к машине. – Надо отсюда сматываться.

– Пожалуйста, оставь меня, – взмолилась Фабиола.

– Ты хочешь, чтобы тебя здесь обнаружила полиция?

Фабиола беспомощно обвисла в его руках. Ей овладела такая слабость, что сама она и шагу ступить не могла. Что будет, когда полиция обнаружит ее здесь, с

набором отмычек на поясе? И как быстро они выяснят, что ее разыскивает Интерпол за кражу одной из картин Дали?

– Не бойся, – он втолкнул ее в салон машины. – Я тебя больше не трону. Но за это ты расскажешь мне, как тебе удалось взломать самый охраняемый на сегодня музей Италии. Как тебя зовут, гениальная крошка?

– Фабиола…

– А я Жан. И сдается, мне, Фабиола, мы с тобой встретились неслучайно. Ты еще поблагодаришь судьбу за это!

Машина резко тронулась с места, но у Фабиолы уже не было сил возразить убийце – ночь навалилась на нее всей своей тяжестью.

Спустя два месяца вампиры чествовали свою новую сестру. Жан оказался прав – встреча с ним оказалась судьбоносной.

Фабиола пришла в себя в роскошном номере пятизвездочного отеля и до утра, как Шахерезада грозного шаха, услаждала слух недавнего убийцы историями из своей жизни. Жан пришел в восторг, восклицал, что она просто самородок и находка для них. В существование «них» Фабиола верить не хотела, но пришлось. Еще не зажила ранка на шее, из которой пару часов назад пил кровь ее собеседник.

Особенно он воодушевился, когда Фабиола поведала ему о своей интуиции, которая всегда подсказывала ей за какие дела стоит браться, а за какие нет, и стойко оберегала ее от неприятностей: не раз спасала от полиции и дала сбежать прямо из-под носа Интерпола.

– Ну-ка, ну-ка, – глаза вампира зажглись живым интересом, – и как давно у тебя проявилась эта интуиция? Вспомни, не связано ли это с какой-нибудь серебряной вещицей, которую ты себе присвоила, украв из музея или личной коллекции?

– Интуиция у меня с рождения, – оскорбленно возразила она. – А за серебром я никогда не гонялась. Мне больше по душе золото и драгоценные камни.

– Может, у тебя с рождения есть какая-то памятная вещица, доставшаяся от родителей? – не отступал Жан. – Серебряная монетка, серебряное кольцо, серебряный крестик? – Он жадным взглядом просканировал ее руки и задержался на шее.

Фабиола машинально натянула ворот футболки до подбородка, в панике глядя на вампира. При ярком свете он уже не казался таким неотразимым, как в сумраке переулка. Дорогая золоченая люстра с двенадцатью хрустальными рожками беспощадно высветила болезненные тени под глазами, как будто кровосос годами терзался бессонницей, а сухая бледная кожа вампира была похожа на пергамент, как у той старинной карты сокровищ, которую ей однажды довелось подержать в руках. Впрочем, черты лица его были довольно правильными и утонченными, если не считать тяжеловатого подбородка, придававшему ему хищный вид.

– Да ладно, – расхохотался он, – не бойся. Твоя кровь меня больше не интересует. Хотя она у тебя и сладкая…

Фабиолу передернуло.

– Привыкай, малышка, – он насмешливо сощурился. – Ты ведь скоро станешь одной из нас.

– Никогда, – поежилась Фабиола.

– Станешь, – убежденно произнес Жан. – Куда ты денешься?

От его категоричности у нее мороз по коже пошел.

– Так значит, нет у тебя никакого талисмана из серебра? – с разочарованием уточнил вампир. – А я-то уж решил, что одна из Серебряных Слез у тебя.

– А что это – Серебряные Слезы?

Вампир заговорил о них с таким почтением, что в душе Фабиолы зажегся профессиональный интерес.

– Я думаю, ты скоро сама их увидишь. И поможешь мне достать парочку из них, которые охраняются ничуть не хуже, чем тот алмаз, который ты сегодня увела из-под носа моего старого приятеля Луиджи. Ах, как он мне на днях хвалился, что его музей неуязвим для воров.

– Директор музея – твой друг? – обомлела Фабиола.

– Не робей, малышка, – вампир весело подмигнул ей. – Мы дружны не до такой степени, чтобы я выдал ему такое сокровище, как ты. Так что, поможешь мне добыть пару серебряных безделушек?

Фабиола с готовностью кивнула. Как же тут не помочь? А то он ведь и передумать может, и сдать ее «своему другу» Луиджи.

– Вот и умница. – Он потрепал ее по плечу. – Будешь себя хорошо вести, я помогу тебе войти в наш круг. Обладательница интуиции, достойной Великого Лорда, не может влачить жалкое человеческое существование.

Ничего себе жалкое существование, мысленно возмутилась Фабиола. Да о жизни таких, как она, снимают кино и пишут книги. А она живет этой жизнью, полной опасностей, адреналина и захватывающих дух приключений.

Жан как будто ее мысли читал, усмехнулся и сказал:

– Поверь мне, малышка, я знаю, о чем говорю. Тебя ждет еще более яркая и захватывающая жизнь в кругу лучших из лучших.

И добавил:

– Ты сама Слеза Интуиции во плоти. Можно подумать, что по твоим жилам течет расплавленное серебро из чаши лорда.

Фабиола легко дала уговорить себя. Жан был весьма убедителен и вкрадчиво искусителен. Он надавил на ее больное место, и она признала его правоту. Век

авантюристки недолог. Сейчас, пока ее тело гибко, суставы подвижны и реакция мгновенна, ей по силам любые дерзкие ограбления. Но потом тело начнет давать сбой, и тогда ей останется только разводить на деньги богатых папиков или выбрать из них наименее отвратительного и наиболее щедрого и заделаться достопочтенной синьорой. У Фабиолы уже сейчас скулы сводило от скуки. Она твердо знала: такая жизнь не для нее. Уж лучше пусть ее разобьет радикулит в двух шагах от вскрытой витрины с очередным алмазом и полиция поймает ее с поличным, а газетчики соловьем разольются о старухе-преступнице, чем она станет прозябать с постылым мужем и кучей докучливых родственников! Она любила удовольствия и азарт, риск и опасность, безумие ночей и огонь в крови – все то, что может предложить только разгульная молодость.

Жан пообещал ей то, о чем она могла только мечтать: авантюру длиной на века, вечную молодость и вечный адреналин. Затею Жана обвести Совет старейшин вокруг пальца она тоже восприняла как приключение. Не задумываясь особо над тем, зачем ему это нужно, Фабиола согласилась, что ее кровным донором станет Жан, но для всех это останется тайной и ее официальным наставником будет считаться совсем другой вампир. Она не знала, как Жан провернул эту аферу, но восхищалась его талантом. Ее официальный донор при встрече тепло обнимал ее и, похоже, на полном серьезе считал ее своей преемницей.

Фабиола все собиралась выпытать у француза, как ему это удалось, но не успела – пришло известие о гибели Жана, тот не поделил что-то с московскими Гончими. Убиваться Фабиола не стала, но вылакала бутылку крови, запечатанной сургучом, которую ей подарил Жан, когда они обменялись кровью. Памятный подарок обернулся сильным отравлением, а когда Фабиола пришла в себя в отдельной палате вампирской клиники, на столике у изголовья лежал конверт, отправленный на ее имя. Последний привет от Жана.

* * *

По плану Вацлава мы должны были перехватить Фабиолу, когда она будет возвращаться с украденными драгоценностями. Вацлав объяснил, что кража из музея – преступление и по человеческим, и по вампирским законам. Угроза разоблачения и передачи Гончим развяжет воровке язык, и она расскажет нам все, что знает, в обмен на наше молчание.

– А потом ты отпустишь ее с украденным? – полюбопытствовала я.

Вацлав уклончиво пожал плечами:

– Посмотрим.

Интересно, что бы это значило? Он настолько честен, что выполнит условия договора, даже заключенного с воровкой? Или он неравнодушен к Фабиоле, поэтому готов пойти на уступки? Надеюсь, что не последнее.

Я не могла не восхищаться Фабиолой – внешне хрупкой и беззащитной, но при этом дерзкой и отважной авантюристкой. О таких, как она, снимают приключенческое кино с Пирсом Броснаном и Томом Крузом в роли мужчины-напарника. О таких, как я, снимают только комедии в духе «Шопоголика». Такие, как Фабиола, действуют. Такие, как я, плывут по течению и попадают во всякие неприятности. Надеюсь, поимка Фабиолы не станет очередной из этих неприятностей. И, что лукавать, если выбирать из нас двоих, на роль подружки Гончего лучше подходит она – рискованная, бесстрашная, смелая.

Час назад Фабиола оставила машину в квартале от музея и дальше двинулась пешком по извилистой улочке – гибкая, пластичная, изящная, как черная кошка. На удивление, Вацлав не замедлил скорости и вскоре обогнал Фабиолу. Мы выехали на дорогу, ведущую к музею. Там он припарковался рядом с другими авто, так чтобы нам был виден выход из переулка, а Фабиола не заметила нашу машину среди остальных. Вскоре показалась Фабиола. Она перешла дорогу к музею и свернула за угол, но Вацлава это не смутило.

– Подождем ее здесь. Мимо она все равно не проскочит. Будет возвращаться к своей машине этой же дорогой.

И вот теперь мы ждали, прислушиваясь к каждому шороху, провожая настороженным взглядом редкие автомобили и надеясь, что у Фабиолы все получится. Ведь она была нам нужна на свободе.

Проехавший мимо патруль осветил фарами припаркованные машины, и Вацлав наклонился ко мне, имитируя поцелуй и заслоняя меня от полицейских. Я была бы не против, если бы он поцеловал меня по-настоящему, но его губы замерли в волнующей близости от моих. Так что я видела его потемневшие глаза и чувствовала его прерывистое дыхание. Его рука лежала на спинке моего

сиденья, и со стороны, наверное, казалось, что он меня обнимает. Между нашими телами была только одежда и несколько сантиметров пространства. Мое сердце бешено заколотилось от этой внезапной близости, и перед глазами уже проносились картины поцелуев, которых я жаждала каждой клеточкой тела. Недавно виденный сон, казавшийся таким реальным, только подливал масла в огонь.

Патруль удалился, нам больше ни к чему было вводить в заблуждение пражских полисменов, однако Вацлав не торопился вернуться на место, и мне вдруг показалось, что он борется с желанием меня поцеловать. Но тут вдалеке за его спиной у ограды музея возникла черная фигурка.

– Фабиола, – выдохнула я, и Вацлав резко отстранился, откинувшись в водительском кресле.

Быстро осмотрев пустынные окрестности, он коротко скомандовал:

– Идем!

Гончий взялся за дверную ручку, и в этот момент тишину ночной Праги разорвал рев полицейских сирен, а темноту прорезали хаотичные лучи света.

Остолбенев, мы смотрели, как Фабиолу окружили десятки полицейских машин, и лучи мощных прожекторов скрестились на ее фигурке, не давая возможности скрыться.

– Черт, – выругался Вацлав. – Нас опередили.

– И что же теперь будет? – в замешательстве пробормотала я, глядя, как на Фабиолу надевают наручники и ведут к полицейской машине.

– Придется наведаться в местный Клуб. Хоть и очень не хочется. – Гончий досадливо поморщился.

– Они могут освободить Фабиолу?

– Они могут все, – отрешенно сказал Вацлав и приглушенно добавил: – Вопрос в том, станут ли.

Глава вторая

Подземелье вампиров

Я ожидала, что для знакомства с пражскими вампирами мы отправимся в какой-нибудь затерянный в извилистых улочках исторического центра закрытый ресторан или клуб, как это было в Москве, или выберемся за город в один из старинных замков, как это случилось в Париже, но действительность превзошла все ожидания.

Мы переехали через Влтаву на другой берег Праги и впереди на возвышенности показались готические шпили старинного здания, возносившимся над красными черепичными крышами старинного жилого квартала. Высокое, грандиозное, пронзавшее золотистыми от освещения острыми пиками ночное небо и поражавшее своим масштабом, оно бы вполне подошло для резиденции местных вампиров, которые, как мне по дороге успел объяснить Вацлав, занимают особенное положение в иерархии Клуба. Многие коренные пражские вампиры были потомками королей. Последний из правивших вампирами единоличный властелин, Последний Лорд, был родом из этих краев. И легенда о Серебряных Слезах, в реальности которой я уже успела убедиться, вела начало именно отсюда. Прага была историческим центром невидимой людскому глазу вампирской империи. И хотя единого короля над вампирами не было уже долгие века, а Советы старейшин, существующие по всему миру, были равны в правах между собой, Пражский Клуб находился на особом положении. От него исходила инициатива новых реформ, именно он считался наиболее влиятельным отделением Клуба по всему миру. Недаром здесь был принят Пражский договор 1956 года, согласно которому строится наша сегодняшняя жизнь. А самое удивительное, на старейших членов Пражского Клуба не распространялось одно из важнейших правил – обязательная перемена места жительства раз в десять лет. Благодаря чему Совет старейшин Праги уже долгие годы пребывал в неизменном составе. Когда я удивилась, как такое возможно, Вацлав сухо ответил, что я сама пойму, когда мы окажемся на месте.

Теперь же, когда мы переправились на другой берег, я ощутила, что мы все ближе к разгадке тайны. Неужели это здание, освещенное огнями так, что его видно с любой высокой точки Праги, – пристанище вампиров? И они совсем не боятся выдать себя?

– Пражский град, – прокомментировал Вацлав, поворачивая к возвышенности. – А это, – он указал на готический силуэт здания, – Собор Святого Витта.

– Местный клуб находится в Соборе? – смутилась я.

Вацлав усмехнулся.

– Собор – одна из достопримечательностей Праги. Подумал, что тебе будет интересно на него взглянуть. А чтобы попасть в Клуб, нам придется спуститься под землю.

– В метро? – растерянно моргнула я.

– Хуже. В пражские подземелья.

Вацлав не шутил. И вскоре, оставив машину неподалеку от островка света, озарявшего Пражский Град, мы уже спускались в стылое нутро Праги, надежно скрытое от посторонних глаз и хранящее тайны вампирского клана.

Вход в подземелье был расположен рядом с туристической зоной, однако никто из многочисленных путешественников, прогуливающихся здесь в ясный полдень, не обратил бы внимания на неприметную, почти сливавшуюся с кладкой невысокую нишу в стене одного из старинных домов. Навалившись на нее плечом, так что открылся тайный ход, ведущий вниз, Вацлав первым ступил внутрь, а затем поманил меня за собой.

Узкая винтовая лестница с крутыми ступенями освещалась лишь тусклым светом карманного фонарика, который включил Вацлав, а ее подножие тонуло во мраке. Невозможно было понять, как далеко уходит лестница и как глубоко под землю нам предстоит спуститься. Хорошо, что на мне удобные мокасины, иначе бы я переломала ноги на этой круче. Вцепившись в ладонь Вацлава, боясь потерять его в этой кромешной тьме и слушая его дыхание, я осторожно переставляла

ноги и вспоминала вампирский ресторан «Подземелье», где мы бывали с Глебом. Ресторан находился под землей в самом центре Москвы, а вход в него был тщательно замаскирован, чтобы исключить появление посторонних. Но в отличие от подземного хода, в котором мы сейчас очутились, ресторан был расположен неглубоко, и уже на верху потайной лестницы чувствовались запахи еды, были слышны разговоры посетителей и пробивался свет из зала. В пражском же подземелье царили полнейший мрак, могильная тишина и пробирающая до костей сырость. Мы преодолели уже втрое больше ступеней, чем было на лестнице, ведущей в московский ресторан, а казалось, что ни на шаг не приблизились к убежищу вампиров – впереди по-прежнему ни огонька, ни звука, ни любого другого знака жизни. Вацлав уверенно двигался вниз, не подавая признаков беспокойства, а у меня уже изрядно ныли ноги от крутого спуска. Последний раз такую нагрузку я получала на занятии степ-аэробики, куда меня затащила за компанию неугомонная Сашка.

– Долго еще? – не выдержала я, и мой голос прозвучал неожиданно громко в мертвой тишине подземного хода, а последние слова эхом отразились от каменных стен: «Еще? Еще? Еще?».

– Почти пришли, – успокоил меня Вацлав, крепко сжав за руку.

В тот же миг камни угрожающе заскрипели под его ногами, осыпаясь. Вацлав пошатнулся, пытаясь удержать равновесие и опереться о стену. Луч фонарика мазнул по низкому каменному потолку хода. А в следующий миг ступени обрушились, и мы кубарем покатились вниз под аккомпанемент моих истошных визгов.

Падение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Оборвался на высокой ноте мой вопль, и вокруг воцарилась замогильная тишина. Еще мгновение назад в тело больно впивались огрызки каменных ступеней, и вот уже я лежу на чем-то мягком, и руки нежно ощупывают меня, а голос с беспокойством уточняет:

– Ты цела?

Вацлав! Стоило скатиться с черт-знает-какой высоты, чтобы очутиться в его объятиях. Хорошо, что мы сейчас в кромешной тьме, и он не видит моих полыхающих щек. Я тянула с ответом, одновременно наслаждаясь робкой

лаской его рук и борясь с соблазном соврать, что у меня растянута лодыжка или сломана нога, и представляя, как Вацлав будет мужественно таскать меня на руках по пражским подземельям. И ведь будет же! Если только он сам себе ничего не сломал! Вот же я эгоистка!

– А ты? – спохватилась я.

– Порядок, – неожиданно хрипло отозвался он.

Где-то наверху на лестнице хрустнул камень и сорвался вниз, но мы не шелохнулись, словно приклеенные друг к другу. Как будто эта кромешная тьма, в которой мы вдруг оказались, смела все запреты и условности. Были только он и я, его горячее дыхание и мои горящие губы, которые мечтали отыскать его лицо в сумраке. Не в силах сопротивляться этому желанию, я наклонилась к Вацлаву, успев подумать: «Похоже, целоваться в подземельях уже становится традицией». Вацлав подался мне навстречу, и я почувствовала нетерпеливую дрожь его рук, перехвативших меня за талию, слышала, как под моей ладонью, лежащей у него на груди, выбивает барабанную дробь его сердце, а затем ощутила его прерывистое дыхание на своих губах. Так близко, что оно вот-вот станет одним дыханием на двоих, и голова закружится, как от глотка кислорода на вершине Килиманджаро. Но внезапно щеку сковало арктическим холодом, и голос, звенящий, вибрирующий, оглушительно выкрикнул прямо рядом с моим ухом:

– Вацек[1 - Уменьшительный вариант чешского имени Вацлав]!

Я резко отпрянула от Вацлава, повернула голову и застыла от ужаса. Из кромешной тьмы на меня смотрело призрачное лицо белокурой красавицы с портрета, который Вацлав носил под сердцем и который я случайно обнаружила в потайном кармане его куртки, когда он был без сознания.

Руки Вацлава тем временем машинально попытались удержать меня. Всего лишь мгновение. Потом хватка ослабла, предоставляя мне свободу действий, и я поспешила скатиться на пол, на всякий случай подальше отползая от Гончего. Интересно, на что способен ревнивый призрак, заставший своего возлюбленного в обнимку с другой за мгновение до поцелуя? Еще не поздно нацарапать завещание на камне за спиной? Впрочем, у меня есть смягчающие обстоятельства: Вацлав меня так и не поцеловал. Или я его.

Призрак покружил рядом с Вацлавом, который поднялся на ноги. Белесые контуры привидения были хорошо видны даже в полной темноте. Ее грудь бурно вздымалась, пальцы нервно комкали подол длинного платья, по старой прижизненной привычке чуть приподнимая его, хотя споткнуться об пол ей уже давно не грозило: ведь она не ходила по нему, а плыла над ним. Мое сердце ревниво сжалось, когда девушка прильнула к Вацлаву и, что-то нежно мурлыча на незнакомом мне языке, обвила руками его шею. Гончий на мгновение будто оцепенел, и мне показалось, что он видит призрака и вот-вот попытается его обнять. Никогда в жизни я еще так остро не чувствовала себя третьей лишней. Но Вацлав вдруг содрогнулся, как от сильного холода, и шагнул сквозь призрака. И в тот же миг призрак исчез без следа.

– Фонарик разбился. – Вацлав раздраженно швырнул испорченный фонарь на пол и шагнул ко мне, уверенно ориентируясь в темноте.

Я вцепилась в его руку, протянутую ко мне, как в спасательный круг и торопливо спросила:

– Ты найдешь дорогу?

– Конечно.

– Тогда пойдем скорее отсюда. Что-то мне не по себе.

Вацлав, помедлив, напряженно спросил:

– Что-то не так?

– Нет-нет. Все в порядке, – поспешно соврала я. – Просто тут как-то… жутко. – И на этот раз не покривила душой.

Вацлав уверенно двигался по запутанному лабиринту подземелья, без колебаний сворачивая то в один, то в другой коридор, в то время как я, крепко держа его за руку и ступая шаг в шаг, несколько раз не вписалась в поворот. Похоже, фонарик Вацлав прихватил специально для меня, так как ему самому в нем не было нужды. И теперь, оставшись без источника света, я чувствовала

себя как слепой котенок. Хотя постепенно глаза стали привыкать к сумраку, и я стала различать темнеющие по бокам арки коридоров, очертания сундуков и антикварной мебели в неосвещенных залах, которые мы проходили мимо, нависающие над головой балки перекрытий и выступающие из стен железные кольца, очевидно, служившие держателями для факелов, которые здесь уже лет сто как никто не зажигал.

– Почему здесь так глубоко? – тихо спросила я.

– Это самый низкий уровень подземелья, – пояснил Вацлав.

– А всего их сколько? – удивилась я.

– Этажей восемь. Раньше убежище вампиров находилось ближе к поверхности, но со временем пражские дома уходили под землю, и подземелье становилось все глубже. Из-за наводнений еще в четырнадцатом веке уровень улиц начали наращивать. Второй этаж домов использовали как фундамент для новых. Так что над нами сейчас еще большой подземный город, верхние этажи – это бывшие жилые дома и глубокие подвалы. Там иногда бродят любопытные – ищут легендарные клады и старых призраков.

Я вздрогнула. Видела ли я призрак невесты Вацлава на самом деле? Ведь раньше я призраков никогда не встречала. Духов сигаретной и компьютерной зависимости – это да (будь они неладны!), но ведь не привидений же! Как будто их немало могло быть в Москве или в Париже. Но ведь не видела же! В нашу первую встречу, услышав от Ланы, что я вижу духов, Вацлав даже возил меня на место убийства вампирши Софии, в надежде, что я смогу поговорить с ее призраком и выяснить имя неуловимого преступника. Но и тогда все было тщетно. Хотя, как я знаю из кино, вероятность для потенциального медиума увидеть призрака близка к ста процентам, если человек погиб насильственной смертью. Так почему же я вижу призрака сейчас? И не кого-нибудь там, а именно погибшую любовь Вацлава?

Может, все дело в том, что я хорошо приложилась головой во время падения с лестницы? Или галлюцинация – плод моего собственного воображения? Ведь какое-то время после того, как я обнаружила портрет в кармане куртки Вацлава, я считала, что не могу соперничать с умершей девушкой, что мне никогда не занять в сердце Гончего место той, кто владеет его мыслями уже почти два

века. И только попав в Прагу и оказавшись так близко к Вацлаву, я уже не смогла бороться со своим влечением к нему и решила рискнуть. Вроде вполне логично, что за секунду до нашего поцелуя, подсознание выдало мне призрачный глюк, напоминая о прежней большой любви Вацлава и тем самым предостерегая от ошибки.

– Осторожно.

Я притормозила вслед за Вацлавом.

– Тут низко, – пояснил он, указывая на арку, в которую шагнул.

Я шагнула следом. И чуть не завопила от ужаса.

Мы оказались в довольно большом зале, очертания которого терялись в кромешной мгле. Я только видела, что по бокам навалены груды какого-то старья – металлолом вперемешку с тряпьем.

И над всем этим добром клубились призраки.

Много.

Десятки, если не сотни.

Онемев от страха, я затормозила и попятилась. Вацлав удивленно обернулся.

– Ты что?

Он их не видит, поняла я. Все ясно. Я сошла с ума.

И тут призраки увидели меня. И поняли, что я вижу их. И хлынули ко мне, разом заговорив на множестве языков. И в лицо мне пахнуло антарктическим холодом.

Не говоря ни слова, я развернулась и понеслась к выходу. По пути споткнулась о камень, выскочила за порог и обернулась с недобрым предчувствием. Вацлав остался там. А призраки уже стекались к арке и стремительно окружали его.

Я беспомощно смотрела, как фигуру Гончего заслоняет сперва одна призрачная субстанция, потом другая, третья. И вот я уже вижу Вацлава расплывчато, словно через несколько слоев полиэтилена. Призраки торопятся вслед за мной, устремляются к арке и почему-то не могут пройти сквозь нее, тщетно бьются о невидимую преграду. У меня вырывается вздох облегчения – спасена. Но уже в следующую секунду меня захлестывает волна тревоги – у них же Вацлав!

И, уже не заботясь о собственном спасении, я мчусь обратно. С головой ныряю в ледяной холод призрачных силуэтов, размахиваю руками, разгоняя призраков – только те почему-то не исчезают от прикосновения, как призрак невесты Вацлава, а продолжают виться вокруг меня ледяными вихрями. Неожиданно вылетаю из этого неприятного водоворота и чуть не сбиваю с ног Вацлава. Он удерживает меня за плечи, с тревогой смотрит в глаза.

– Жанна, что с тобой?

Я торопливо оглядываюсь. Вокруг нас – словно заколдованный круг, который не могут переступить призраки.

– Жанна… – Тревога в глазах Вацлава достигает апогея.

Я слабо усмехаюсь:

– Спроси уж прямо, не сошла ли я с ума.

– Ты что-то видишь? – внезапно спрашивает он.

И я не могу солгать.

– Я вижу призраков, – тихо признаюсь я. – Их здесь тучи.

Его рука стискивает мое плечо до боли.

– Так, – напряженно говорит он. – Было очень плохой идеей привести тебя сюда. Уходим сейчас же.

И тут за спиной Вацлава, на другом конце зала, язык пламени прорезает тьму. Призраки испуганно разлетаются по сторонам, уступая место главному из них. Высокий худощавый мужчина в старомодной одежде, несущий в руке факел, приближается к нам. Вацлав, увидев мой взгляд, оборачивается и торопливо закрывает меня спиной. Мужчина уже близко. Я вижу молодое привлекательное лицо с выразительными бровями, карими глазами, в которых отражается огонь, высокими скулами и узкой бородой, стекающей со щек к подбородку. Но почему-то не чувствую исходящего от него холода, наоборот, ощущаю тепло горящего факела.

– Доброу ноц, Венцеслав. – Мужчина изображает шутливое подобие поклона.

– Доброу ноц, Франтишек, – резко отвечает Вацлав, явно не обрадовавшийся встрече.

Время будто застывает, мужчины смотрят друг на друга, словно ведя мысленный разговор, а я во все глаза разглядываю необычную одежду Франтишека. На нем светлая рубаха с длинными и широкими до самого запястья рукавами и с манжетами, вышитыми черным узором. Безусловно, ручная работа. Под воротником повязан шелковый темно-синий платок, который придает Франтишеку богемный вид. Светлые кожаные брюки заправлены в высокие ботинки. И весь он словно родом из прошлого века. Интересно, Вацлав тоже когда-то одевался так по-пижонски?

Цепкий взгляд Франтишека задержался на мне, и я вздрогнула, застигнутая врасплох. Надеюсь, он не прочел мои мысли?

– Рад приветствовать вас в Праге, Жанна, – произнес он на русском с легким акцентом. И, перехватив настороженный взгляд Вацлава, с добродушной улыбкой пояснил: – Конечно, мы осведомлены о твоем появлении, Венцеслав. И личность твоей очаровательной спутницы для нас не тайна. Позволишь?

Франтишек делает шаг ко мне, и его сухая ладонь завладевает моей рукой, которую он подносит к губам. В свете факела, который он держит в другой руке, видны темный потек грязи на моей коже и сломанный ноготь – последствия падения с лестницы. Хорошо, хоть ссадины уже успели затянуться – спасибо нечеловеческой регенерации. И все равно, как неловко перед этим приятным мужчиной с великолепными манерами! Франтишек легким поцелуем касается

моей руки, и сквозь полураскрытые губы кончик языка скользит по моей коже. Меня передергивает от этого интимного жеста, который остается незаметным для Вацлава, напряженно застывшего рядом, и я твердо высвобождаю руку, чувствуя омерзение. Как будто внутри красивого спелого яблока, которым любовалась и которое мечтала попробовать, вместо сочной мякоти обнаружила отвратительного червя.

– Вы отлично говорите по-русски, – стараясь казаться любезной, говорю я. Придется превозмочь свою внезапную неприязнь, ведь от решения этого человека зависит то, зачем мы сюда явились.

– Благодарю, моя милая, – мурлычет Франтишек, и в свете факела я отчетливо вижу, как заиграли желваки на щеках Вацлава. – Рад тебя видеть, братр, – вкрадчиво произносит Франтишек, и я понимаю, что в обращение «брат», видимо, чешское, вложен какой-то особый смысл, который понятен только этим двоим.

– Взаимно, братр, – отрывисто отвечает Вацлав.

От негромкого смеха Франтишека веет холодом. Даже призраки вжались в стены и замолкли, словно боятся выдать свое присутствие.

– Скажи лучше, не ожидал меня здесь увидеть, – с показным добродушием замечает Франтишек.

– Я слышал, ты жил в Англии, – натянуто говорит Вацлав.

– Жил, – безмятежно соглашается Франтишек. – Но вернулся на днях. Как будто знал, что он готовит мне столь долгожданную встречу. Что ж, прошу за мной.

Мы вышли из зала, полного привидений, и, обернувшись, я с облегчением отметила, что призраки вьются у выхода, не смея переступить порога. Похоже, это какое-то заколдованное место, что-то вроде темницы для привидений.

– Ни слова о том, что ты видишь, – предостерег меня на ухо Вацлав. – И на будущее старайся себя не выдать.

Я поражена. Он мне верит? Но тогда к чему такая загадочность?

– Потом все объясню, – так же тихо, чтобы не услышал Франтишек, прошептал Вацлав.

– Спускались по старой лестнице? – спросил тем временем Франтишек. – Она в аварийном состоянии, того и гляди совсем обрушится.

Мы с Вацлавом благоразумно умолчали о том, что обрушение уже свершилось.

– Ей не пользовались уже лет двадцать с тех пор, как провели скоростной лифт. Три минуты – и вы в Подземном граде, – с самодовольством в голосе сообщил Франтишек.

– В Подземном граде? – с удивлением переспросила я.

– Это наш замок, – с гордостью объявил Франтишек, останавливаясь перед неприметной дверью и вставляя факел в настенную выемку. После чего он вынул тяжелую связку и загремел ключами. – Добро пожаловать! – Он толкнул дверь, и оттуда заструился мягкий свет, слепящий после кромешной тьмы.

Войдя вслед за вампиром, я замерла в изумлении.

Из темных заброшенных подземелий мы попали в роскошно отделанную галерею, напоминающую декорации королевских дворцов из исторических фильмов. Сводчатый потолок, обтянутые дорогой тканью красно-бордовые стены с орнаментом в виде королевских лилий, золоченые подсвечники, старинные портреты, мягкие ковры. Здесь могла бы гулять Анжелика, здесь могла бы назначать свидания королева Марго, здесь могли бы проходить на аудиенцию к королеве мушкетеры. На миг мне даже показалось, что мы прошли через временной портал и очутились в другой эпохе, где под ноги стелятся пушистые ковры, на стенах жилого замка чадят факелы, а со старинных портретов строго взирают благородные дамы и господа. Однако, когда первое ослепление прошло, я увидела, что факелы – всего лишь имитация, электрические светильники, да и краски на портретах слишком свежи, чтобы претендовать на старину, а потом заметила и выбившийся из-под ковра фирменный ярлычок, наверняка с указанием изготовителя. Вместо другой эпохи я почувствовала себя словно в музее или на киностудии, где кропотливо воссоздали атмосферу других

времен современными средствами. Любопытно, что даже двери в тайное убежище вампиров открываются обычными ключами. Тогда как его обитатели вполне могли бы позволить себе электронные ключи или кодовые замки. Но нет, здесь все должно дышать стариною.

– Здесь очень… роскошно, – выдавила я, поймав на себе испытующий взгляд Франтишека, и по его удовлетворенно сверкнувшим глазам поняла, что именно такой реакции он и ожидал.

На Вацлава, однако, эта роскошь не произвела никакого впечатления. Как будто он бывал здесь уже сотни раз, и все ему здесь осточертело.

– Идемте.

Франтишек поманил нас за собой, и мы двинулись мимо череды портретов. Я с опаской поглядывала на нарисованных вампиров, вспоминая фильмы, в которых привидения следили за людьми сквозь свои портреты. Однако благородные господа не спешили подмигивать мне и улюлюкать в духе расшалившегося Карлсона, так что я успокоилась и с искренним интересом изучала лица, гадая, чем же таким отличились эти люди (а скорее – нелюди), что их портреты хранятся в Пражском Клубе вампиров. Довольно свежие портреты сменились потемневшими от времени полотнами, а годы в углу картин стремительно уводили в прошлое. 1950-й, 1930-й, 1900-й, 1880-й… Среди них встречались недавно отреставрированные, щеголявшие яркими красками, и совсем потускневшие, выцветшие. Словно одних персонажей своей истории вампиры стремились сохранить вечно живыми, а других хотели стереть из памяти. Большинство изображенных на портретах были мужчинами – благородными, волевыми, с решительным взглядом и гордо поднятой головой. Женщин было всего две. Одну отличить от мужчины можно было только по женскому платью. В остальном же хмурая широкоскулая дама с тонкими серыми губами была совершенно лишена женской привлекательности и похожа на тюремщицу в женской колонии. Вторая была ее полной противоположностью – стройная блондинка, райская птичка в вычурной шляпке с кокетливым взглядом и призывной улыбкой. Этакая Мария-Антуаннетта в исполнении Кирстен Данст.

– Это самые выдающиеся вампиры нашей истории, – пояснил Франтишек, заметив, что я задержалась у портрета красивой дамы. – Это, например, Маргарита де Фонтен. Это она обратила Жана Лакруа.

Я с еще большим интересом взглянула в нарисованные голубые глаза блондинки. Никогда бы не подумала, что у Жана была такая очаровательная наставница.

– Жанна, – внезапно заторопил меня Вацлав, – идем скорее. Мы все-таки здесь по делу.

Я прибавила шаг, подчиняясь его словам и почти не глядя по сторонам. Но у самого выхода из галереи мое внимание привлек самый крайний портрет в богато украшенной раме – в отличие от остальных, серебряной, а не золотой. На нем был изображен темноволосый мужчина в сером камзоле с чашей в руках. На вид ему было лет тридцать пять, но глаза выдавали возраст – лет триста, не меньше. Его овал лица, волевой подбородок и прямолинейный взгляд показались мне смутно знакомыми.

– Это Последний Лорд, – пояснил Франтишек с видом экскурсовода в Британском музее.

Надо же! Я с любопытством прильнула к портрету. Вот кому я обязана всей этой заварухой с Серебряными Слезами! И как я сразу не узнала чашу, ведь ее подобие, воссозданное Жаном, я держала в руках. В тот миг мне подчинились все вампиры, находившиеся рядом: Гончие во главе с Вацлавом, мой дед Аристарх. Это было жутко – видеть, как древняя магия подчинила себе волю самых стойких мужчин. А владычицей мира я быть никогда не желала. Поэтому чашу уничтожила. …А что, если бы нет? Я вдруг представила, как со всех портретов в галерее смотрят мои лица. Я в красном, я в синем, я в «Живанши», я в «Шанель», я в бриллиантовой диадеме испанской принцессы, я в рубиновом ожерелье. Единоличная королева вампиров – Жанна Бессонова. Какой бред!

Из картинной галереи мы попали в лабиринт коридоров и пустынных залов. Резиденция вампиров недаром носит название Подземный град. Это и в самом деле огромный город! Наконец мы остановились перед высокими, до самого потолка золотыми резными дверьми. Среди цветочного орнамента выделялись крупные цифры: 19 – на левой двери, 56 – на правой. Где-то я уже их встречала.

– Здесь начиналась наша новейшая история, – с услужливостью гида пояснил Франтишек. – В этом зале был подписан Пражский договор.

Я с уважением замерла перед дверьми. Знакомые мне цифры – год его подписания.

Франтишек легко открывает тяжелые двери, и я с замирающим сердцем вхожу в большой гулкий зал.

Светлые стены расширяют и без того огромное пространство, и оно кажется бесконечным. Паркетный пол складывается в причудливые картины, каждую из которых хочется разглядеть в подробностях, и даже неловко наступать ногой туда, где расправил крылья мифический дракон или воздел шпагу отважный рыцарь. Никакого полумрака – три старинных люстры на потолке мерцают сотнями электрических ламп, от которых в зале светло, как днем. Это, конечно, не солнечный полдень, скорее, день, близящийся к закату, но и не вампирские сумерки. Даже не верится, что мы по-прежнему в подземелье. Кажется, что от узких проходов, в которых мы петляли с Вацлавом, это место отделяют километры и века. Только отсутствие окон, на месте которых расположены углубленные ниши-арки, выдает подземное расположение зала. Всего ниш пять, и каждая служит оправой какому-то, несомненно, важному раритету. В центре – сложный герб, в котором сплелись летучая мышь и дракон. В нишах по бокам под стеклом, как музейные экспонаты, расположились серебряная чаша, копия чаши Последнего Лорда, и старинный манускрипт с готической надписью чернилами. В самых крайних нишах – шпага, эфес которой поблескивает драгоценными камнями, а на клинке видны темные пятна крови, и серебряный щит, резные узоры которого кое-где расписаны алой краской.

По другую сторону зала высится мебель из темного, почти черного дерева. В центре – большой длинный стол не меньше, чем на сотню персон, а вокруг него массивные стулья с резными спинками. Вампиры за столом встают со своих мест, и в зале становится еще больше черного. Их не так много, около десятка, но почти все они одеты в старомодные костюмы темных тонов – сапфирово-синий, малахитово-зеленый, бордово-пурпурный. На вид им по двадцать-тридцать лет, но я уверена, что им по двести-триста. Я даже не удивляюсь тому, что нас уже ждали, словно были предупреждены о нашем внезапном визите. Похоже, в нежилой части подземелья повсюду натыканы камеры, вот наше появление и не стало сюрпризом для вампиров.

Мне вдруг чудится, будто я попала в ожившую шахматную партию и нахожусь в самом центре шахматной доски. Белое и черное, застывшие черные фигуры, черный король во главе стола, который пристально смотрит на меня, словно бы

оценивая, какую роль в этой игре потяну я – пешки или королевы?

Однако приветствуют меня стоя, как королеву, с самодовольством отмечаю я. Даже в Парижском Клубе, куда я явилась как наследница Жана, меня так уважительно не встречали. Хотя приятно, что говорить! Жаль только, что я одета ни к месту. Если бы знала, куда нам предстоит отправиться ночью, сбегала бы в бутик за вечерним платьем. Хотя бы чувствовала себе поуверенней, а не так, как ПТУ-шница из Рязани, заявившаяся на вечеринку столичного бомонда. Впрочем, как бы я, интересно, лазала в таком платье по заброшенным ходам?

Вампиры отодвигают стулья и направляются к нам. Похоже, они решили по очереди приложиться к моей руке поцелуем, как это уже делал Франтишек. Я украдкой вытираю руку о джинсы, чтобы отряхнуть ее от пыли. Вот ведь подлость! Более жалкого вида, в котором я предстала перед блистательными пражанами, и вообразить трудно. Хуже было бы только явиться к ним с фингалом под глазом. Я кошу взглядом по сторонам в поисках зеркала. Надеюсь, падение с лестницы не оставило никаких следов на моем лице? Зеркал не видно, зато я заметила, как поморщился Вацлав. Гончий терпеть не может всякие условности, а уж когда твоей спутнице оказывают такие почести, и мужское самолюбие пострадать может.

Вампиры уже близко, и по их глазам я вижу, что это самые старые персоны из всех, кого мне приходилось встречать. При всей показной любезности на их лицах застыло одинаково надменное и скучное выражение, свойственное тем, кто уже все повидал на своем веку и кого уже ничем не удивишь. Только один из них, добродушного вида мужчина в синем, слегка выцветшем камзоле, смотрит на меня с живейшим интересом. Он так увлекся маскарадом, что даже шпагу с собой таскает. Ее золоченый эфес выглядывает из-за пояса. Мужчина улыбается мне, и я улыбаюсь ему в ответ. А еще на всех лицах лежит печать власти. Эти люди привыкли править и повелевать. Я вспоминаю тот миг, когда держала в руках чашу Последнего Лорда, и у меня мелькает шальная мысль: интересно, эти бы тоже мне подчинились? Склонили бы передо мной гордо выпрямленные головы? Готовы бы были исполнить любое мое пожелание?

Первый из идущих, высокий мужчина с узким хищным лицом и тяжелым взглядом, останавливается напротив нас.

– Доброу ноц, Венцеслав. – Он приветствует Вацлава по-чешски.

– Доброу ноц, Адам, – уважительно отвечает Гончий.

А затем Адам обращает свой взор на меня и говорит уже на английском:

– А это и есть та Жанна, ради которой ты поднял меня в три часа дня? Что ж, я рад, что отсрочка помогла и невиновные не пострадали. Добро пожаловать в Прагу, Жанна.

Значит, он один из тех старейшин, которые подписали отсрочку моего приговора по решению Парижского клуба. Робея от его изысканных манер, я с трудом удерживаюсь от того, чтобы изобразить подобие реверанса, и вместо этого протягиваю подрагивающую руку. Но вампир игнорирует мой жест, поворачивается к Вацлаву и крепко жмет ему руку. Я с обидой закусываю губу и убираю ладонь. Погодите-ка! Что тут происходит?

На моих глазах совершается невероятное. Все вампиры по очереди пожимают руку Вацлаву, а на меня не обращают ни малейшего внимания. Значит, этот торжественный прием – в честь Гончего, а не в честь меня? Может, у него какие-то особые заслуги перед Пражским клубом?

Вацлав что-то резко говорит вампирам по-чешски. Узколицый усмехается, но делает знак другим остановиться.

– Давайте присядем. – Он делает царственный жест в сторону стола и занимает место во главе, на стуле, подобном трону. Я замечаю, что на высокой резной спинке изображена королевская корона. А над ней высечена дата принятия Пражского договора – 1956.

Один из вампиров, тот самый мужчина со шпагой, задержался рядом со мной и любезно поясняет по-английски:

– Во времена правления Последнего Лорда и долгие годы после Прага была столицей нашего братства, корона осталась с тех времен. Но Пражский договор уравнял в правах все отделения Клубов. Поэтому корона осталась символом старой эпохи, а дата Пражского договора – символ новой.

Я с благодарностью бросаю взгляд на вампира, изучая его умное аристократичное лицо. Но когда я открываю рот, собираясь кое-что уточнить, он быстро прижимает палец к губам и с заговорщическим видом предупреждает:

– Только ни слова. Никогда не говорите с призраками на виду у живых, моя дорогая. Последствия могут быть непредсказуемыми.

Я замираю. Он что, смеется надо мной? Да он совсем не похож на призрака! От него не веет холодком. Он реален так же, как я или Вацлав. Или тот надменный вампир, который тут всем верховодит.

– Ну-ну, полно. Не стоит показывать свое изумление, иначе вас могут неправильно понять, – добавляет он. – Я же не первый из призраков, кого вы видите, дорогая? Позвольте же мне сопровождать вас за столом и прийти на помощь в случае необходимости. Хоть какое-то развлечение в моем теперешнем положении.

Он меня за полную дуру принимает? Я ведь даже не блондинка! Я поднимаю руку, чтобы взять его за локоть, но пальцы, не встречая преграды, проходят через рукав в синем выцветшем мундире.

– Я же говорил, – с печальной улыбкой молвит призрак.

– Жанна, – Вацлав берет меня за локоть, – ты что замешкалась?

Я с ошарашенным видом перевожу взгляд на Вацлава и понимаю, что он не видит моего спутника. Вспоминаю его предупреждение не говорить о своих видениях и благоразумно молчу, позволяя увести себя к столу. Ничего-ничего, вот выйдем отсюда – и Вацлаву придется ответить на все мои вопросы! И что за призраки шастают в пражских подземельях, и за что столько чести простому Гончему при встрече со старейшими вампирами Праги.

– Кстати, простите мне мою бестактность, я забыл представиться. Меня зовут Якуб, – расшаркивается призрак.

– Приятно познакомиться! – вырывается у меня. Призрак предостерегающе машет руками, но поздно. Мои слова неожиданно громко звучат в огромном

зале.

Вампиры, рассаживающиеся по своим местам, с удивлением оборачиваются ко мне. Вацлав беспокойно заглядывает мне в лицо.

Я смущенно бормочу, делая вид, что мои слова были обращены к ним:

– Вацлав мне много рассказывал о вас.

Гончий делает круглые глаза, и я понимаю, что сморозила несусветную глупость. А Адам разражается скрипучим, неприятным смехом, замечая:

– Это самая великолепная шутка, которую я слышал за последние два века.

Остальные вампиры хранят ледяное молчание, буравя меня взглядами, и я, не зная, куда скрыться от стыда, сажусь за стол следом за Вацлавом. Теперь по правую руку от меня находится Гончий, по левую на пустой стул опускается призрак, неотличимый от живого человека. В его голосе звучит искреннее раскаяние:

– Прошу прощения, что поставил вас в неловкое положение, моя дорогая. – Он виновато понурил голову. – Постарайтесь не обращать на меня внимание.

Адам тем временем что-то спросил у Вацлава по-чешски, и все вампиры заинтересованно повернулись в нашу сторону. Вацлав отвечает, а я чувствую себя полной дурой, не понимая ни слова из этого разговора.

– Может, переведете? – шепнула я призраку, отвернувшись в сторону.

– Не имею права, – развел руками тот. – Это не мои тайны. Если Венцеслав пожелает, он сам расскажет вам.

Ах, вот ты как! Ну, попробуй что-нибудь у меня потом попросить! А я ведь уверена, что призраку что-то от меня надо. Иначе зачем бы ему виться вокруг, источая любезности?

Глядя на вампиров, я вспомнила слова Вацлава и поняла, почему они могут нарушать закон о миграции. Живя в сотне метров под землей в своем обособленном от современной Праги мирке, в своем, словно остановившемся на отметке прошлых веков времени, они не рискуют выдать себя и вызвать подозрения у людей. Кто увидит их здесь? Во дворец постороннему не попасть. И даже если вампиру вздумается погулять в подземельях и он наткнется на диггера или бездомного, они примут его за галлюцинацию или призрак. Если вообще заметят в темноте. Я с трудом сдержала смешок, представив себе эту картину: заблудившийся бродяга вдруг встречает разодетых по моде прошлого века Франтишека или Адама. Разве возможно хоть на миг представить, что они реальны?

Тем временем Вацлав заканчил словесную пикировку с вампирами, и разговор продолжился уже по-английски.

– В самом деле, – светски заметил Адам, демонстрируя безупречное произношение, – весьма невежливо с нашей стороны говорить по-чешски в присутствии нашей иностранной гостьи. Я надеюсь, вы простите нам нашу бестактность, Жанна. Как земляки, встретившиеся после долгой разлуки, мы заговорили на родном языке и забыли о приличиях.

Я вежливо кивнула: мол, чего уж там, прощаю.

В зал вошли слуги и принялись с почтением расставлять на столе золоченые кувшины, наполнять их рубиново-красным содержимым высокие кубки. Вампиры в едином порыве приподняли кубки, не чокаясь, и одним залпом осушили их содержимое. Все, в том числе и Вацлав, уже поставили на стол пустые кубки, а я еще цедила мелкими глотками терпкий пьянящий напиток, стараясь не думать о его происхождении.

– Итак, что за дело привело вас в Прагу? – благодушно поинтересовался Адам.

И Вацлав изложил вампирам нашу просьбу посодействовать освобождению Фабиолы.

Адам нахмурился.

– Ее поймали с поличным? Это плохо. Слишком много свидетелей, и ее вина неоспорима.

Он обвел вопросительным взглядом своих товарищей.

– Что тут думать? – зазвучали голоса. – Дело безнадежное. Мы не сможем ее освободить. Всем память не сотрешь.

– Да и ради чего? – добавил Франтишек, пожимая плечом.

– Да, – подвел итог Адам, – вы правы. Освободить ее мы не можем.

На лице Вацлава заиграли желваки. Он порывисто поднялся из-за стола.

– Благодарю, что нашли время нас принять. Идем, Жанна.

– Венцеслав, Венцеслав, – Адам добродушно покачал головой, – ты все такой же порывистый, как и прежде. Уроки жизни тебе впрок не пошли.

Вацлав напряженно застыл. Намек на прошлое, брошенный вампиром, ему явно не понравился.

– Присядь, – мягким, но не терпящим возражений тоном произнес Адам. – Прошу тебя, братр.

Вацлав нехотя подчинился.

– Я сказал, что мы не можем освободить Фабиолу официально. Но мы можем устроить ей побег. Такой вариант вас устроит?

Вацлав быстро кивнул.

– Благодарю, Адам. Это очень важно для меня.

– Хотел бы я еще знать, почему, – уронил Адам.

– Я же сказал, – сухо ответил Вацлав, – это строго профессиональные дела.

А у меня перехватило дыхание от этих слов. И почудилось, что сейчас Вацлав просит за Фабиолу не ради двенадцати вампирш, не ради меня, а исключительно из собственных интересов, из симпатии к этой дерзкой авантюристке.

– Что ж, – заметил Адам, – работа Гончего – превыше всего.

И в его ровном, любезном тоне мне послышалась откровенная издевка. Недаром Вацлав напрягся и невольно сжал кулаки.

Адам кивнул двум вампирам:

– Честмир, Милан, займетесь этим делом.

Вампиры с почтением склонили головы. И тут Франтишек, сидящий по правую руку от Адама, наклонился и что-то зашептал. Выслушав его, Адам бросил взгляд на Вацлава, потом долгим изучающим взглядом смерил меня, словно только сейчас меня заметил, и в его глазах вспыхнул опасный огонек, который мне совсем не понравился.

– Только у меня есть одно условие, – вкрадчиво добавил он.

– Какое? – насторожился Вацлав, невольно загораживая меня собой. Взгляд Адама не укрылся от него.

– Жанна проведет с нами эту ночь. Просто пообщаемся, побеседуем.

Я непонимающе нахмурилась: в чем подвох?

Похоже, тот же вопрос волнует Вацлава, но он не решается его задать. А Адам мастерски тянет паузу, нагнетая атмосферу.

– Только Жанна, – подчеркивает он. – Ты будешь ждать ее наверху.

Вацлав порывисто поднимается с места, бросая мне:

– Жанна, идем. Благодарю за предложение, Адам, но это исключено.

На устах Адама блуждает улыбка.

– Может, спросим у самой Жанны?

– Не соглашайтесь, – тихо предостерегает призрак. – К добру это не…

– Я согласна! – вырывается у меня прежде, чем призрак закончит свои предупреждения.

Может, это кровь из кубка придала мне смелости, только я не раздумывала ни минуты. У нас есть только один шанс добраться до двенадцати вампирш – освободить Фабиолу и поговорить с ней. После того, что мы для нее сделаем, она просто обязана отблагодарить нас откровенным рассказом обо всем.

– Жанна, ты не обязана… – встревоженно обернулся ко мне Вацлав.

– Но я хочу, – твердо ответила я.

– Не делай глупостей, – одними губами сказал он.

Я поворачиваюсь к замершим в ожидании вампирам.

– Принять ваше приглашение – большая честь для меня.

– И большая ошибка! – бурчит призрак Якуб.

Адам удовлетворенно улыбается, Вацлав с грохотом опускается на место.

– Тогда я тоже остаюсь.

– Так-то лучше! – одобряет призрак.

– Венцеслав, уговор есть уговор, – качает головой Адам. – Или Жанна остается погостить у нас и мы обеспечиваем побег Фабиоле, или мы и пальцем не

шевельнем.

– Вацлав, – прошу я, – пожалуйста.

– Я тебя одну не оставлю, – резко говорит он. – Это исключено.

– Неужели ты думаешь, что мы можем причинить вред нашей очаровательной гостье? – с показной обидой восклицает Адам.

– Ничего со мной не случится, – шепчу я, глядя в потемневшие глаза Гончего. – Зато мы поговорим с Фабиолой. Иначе вся наша поездка зря! А ты ведь знаешь, как это важно для меня.

– Ты уверена в том, что говоришь? – напряженно спрашивает он.

Уверена ли я в том, что мы должны добраться до Фабиолы, узнать у нее имена остальных вампирш и расспросить ее о таинственном наследстве Жана? Еще как уверена! Возможно, уже завтра в это самое время у нас будет список имен моих кровных сестричек и в глазах всех вампиров я перестану быть чудовищем, единственным порождением Жана. Мы разделим это бремя на тринадцать частей. И пример безупречных в своих деяниях Глории, Ванессы и остальных докажет, что влияние крови Жана на поведение его кровных наследников сильно преувеличено.

– Да, – твердо говорю я, – я этого хочу.

Все вампиры замирают в ожидании реакции Гончего. И судя по его изменившемуся лицу, он понимает, что у него нет другого выхода, как согласиться с моим решением.

– Хорошо, – Вацлав резко встает с места, не глядя на меня.

– Мы вернем ее в целости и сохранности с наступлением следующих сумерек, – царственно обещает Адам.

– Я провожу Венцеслава, – Франтишек устремляется к дверям. – До лифта. А то он так долго не навещал нас, что по пути сюда воспользовался старой

лестницей.

Когда Вацлав и Франтишек уходят, в зале повисает напряженная тишина. Все вампиры разом оборачиваются ко мне, и моя уверенность в правильности решения стремительно тает. Я чувствую себя Красной Шапочкой в окружении голодных волков. И с трудом подавляю желание извиниться и броситься сломя голову за Вацлавом. Может, еще успею его догнать?

– Что ж, дорогая Жанна, – Адам растягивает губы в ледяной улыбке, – расскажите нам о том, как вы впервые встретились с Жаном Лакруа. Презанятнейшая история. Не терпится услышать ее из первых уст.

Глава третья

Любовь и ненависть одного вампира

Вацлав

Франтишек не соврал. Лифт унес Гончего из подземной обители вампиров в подвал одного из заколоченных домов Градчан. Шахта лифта оказалась замаскированной в дальнем углу стенного шкафа, заваленного старым барахлом. Если бы кто из любопытных и заглянул сюда, наткнулся бы на рухлядь и на том и остановил бы свои поиски, не добравшись до потайного люка.

Выйдя из лифта, Вацлав помедлил у автоматически закрывшихся дверей, борясь с желанием вернуться. Оставить Жанну одну – плохая идея. Тем более после того сражения с невидимыми призраками, которое она устроила в подземелье. Еще тогда он хотел сразу же увести ее оттуда, отменив встречу с пражанами, но появился Франтишек и уйти незамеченными не удалось. Как выяснилось, их уже ждали. Точнее, не их – его. Вот почему он за два века после тех событий ни разу не посещал Прагу. Хотел, чтобы о нем забыли. Но его прошлое не давало ему на это никакого шанса. Как воспримет это Жанна, когда все узнает? Разозлится, что скрывал от нее? Решит, что он ей не доверяет? Поймет ли, что он бежал от этого всю жизнь, стараясь забыть? Или станет умолять принять предложение Адама и Франтишека? Ведь именно ради этого Франтишек подал Адаму идею

задержать Жанну. Если нельзя воздействовать на него прямо, они постараются докопаться до него через Жанну.

Лифт загудел, двинувшись вниз. Вацлав растерянно оглядел стенки шахты, но не обнаружил кнопки вызова. Наверняка она тоже была надежно замаскирована. Желание вернуться за Жанной вспыхнуло еще острее. Не надо было ее там оставлять, ох, не надо. Но только что он мог поделать, когда она сама решила остаться с пражскими вампирами? Не мог же он взять ее в охапку и силой выволочь оттуда! Хотя, что скрывать, хотелось. Теперь же остается надеяться, что призраки ее одолевать не будут, а в остальном вампиры не посмеют причинить ей вреда.

Возвращаясь из Градчан, Вацлав не стал брать такси. Путь отсюда до отеля был неблизким, но ему было некуда и не к кому торопиться. Хотелось пройтись пешком по давно знакомым улицам. Он не был в Праге долгих сто девяносто шесть лет с тех пор, как умерла Эвелина. За это время сменилось десять поколений, и город изменился до неузнаваемости. Старинные дома обросли современными вывесками и неоновыми огнями. Всюду, куда ни глянь, на потемневших от времени фасадах цветные заплатки вывесок: обмен валют, банки, рестораны, пиццерии. Между зданиями протянулись телефонные провода и сетевые кабели, а вдоль дорог – дорожные знаки. По вековой брусчатке там, где раньше цокали подковы лошадей, теперь проложены трамвайные рельсы и пешеходные зебры. Вдоль обочин, где раньше ожидали пассажиров извозчики, ныне выстроились десятки машин, а на углах улиц стоят рекламные щиты.

Он с трудом отыскал дом отца. Дважды прошел туда-обратно, прежде чем понял, что неосвещенное аварийное здание, затянутое зеленой сеткой, – его родовое гнездо. Смотреть на то, как некогда богатый и процветающий дом, принадлежащий градоначальнику, обветшал и обвалился, было больно. В этом была и его вина. После его отъезда из Праги отец прожил шесть лет. Он передал бразды правления следующему градоначальнику и медленно угас – одинокий, потерявший смысл жизни, не имеющий наследников и внуков. Вместе со смертью хозяина, вероятно, стал разрушаться и дом, в котором выросло не одно поколение их семьи. Теперь, если повезет, здание восстановят и продадут какому-нибудь банку или ресторану. А может быть, просто снесут, чтобы расчистить место под новый дом в готическом стиле, который впишется в исторический облик Праги. И дом, хранивший историю их семьи, навсегда исчезнет с карты города. Темные провалы окон, лишенные стекол, казалось, смотрели на него с укором. Если бы он захотел, то смог бы найти денег на

покупку дома и его восстановление. Или мог повлиять на то, чтобы здание признали историческим памятником и сохранили. Но слишком жестоким было его прошлое, чтобы держаться за него. Быть может, когда дома не станет и на его месте вырастет новострой, прошлое отпустит? Отвернувшись, Вацлав быстро зашагал прочь.

Дойдя до пивной «У святого Томаша», он замедлил шаг. Воспоминания загульной, хмельной юности пронеслись перед глазами, как кадры современного видеоклипа. Пиво рекой, пирушки до утра, веселые товарищи, доступные женщины… Как давно это было – в другой жизни. До того, как он встретил Эвелину, до того, как стал вампиром.

Из пивной вывалилась толпа молодежи, и на улице сразу сделалось шумно. Парни обсуждали, где продолжить веселье, и, глядя на их юные веселые лица, Вацлав вдруг ощутил все свои двести двадцать лет. Когда-то он был таким же, как они, но то время ушло без возврата. Посовещавшись, компания двинулась в сторону Карлова моста, собираясь продолжить веселье в одном из ночных клубов Старого города.

Вацлав же не стал торопиться в центр, направившись к Мала Страна. Ноги сами повели его по знакомому маршруту. Главное – не смотреть по сторонам, иначе запутаешься в незнакомых вывесках и преобразившихся после реставрации домах. Просто идти, пока ноги не выведут к памятным местам.

Через четверть часа Вацлав свернул в тихий переулок, куда не заходили туристы и куда не долетали гул машин и шум голосов. Казалось, время здесь остановилось, и из XXI века с его неоновыми вывесками и вереницей припаркованных машин он угодил прямиком в XIX, где все так же тускло горели уличные фонари и казалось, что вот-вот донесется стук копыт и из-за поворота появится извозчик. Именно здесь он впервые встретил Эвелину.

Вацлав помнил тот день, как сейчас. Он возвращался домой с другого берега. Накануне вечером он сильно проигрался в карты, потом друзья затащили его в пивную «У Флеку», где он просадил последние деньги. Пирушка затянулась до самого утра, а на извозчика уже не осталось денег. Пришлось проделать немалый путь пешком. Город уже просыпался, прохожие спешили по своим делам, а Вацлав отчаянно боролся с дремотой и похмельем, мечтая скорее очутиться в своей постели и проспать до самого вечера. Вдруг из переулка до него донесся исступленный собачий лай и гневный женский крик, и его сон как

рукой сняло.

Расстояние до переулка он одолел в несколько прыжков и увидел ее. Хрупкая, юная, беззащитная, она стояла, окруженная сворой бродячих псов, и отмахивалась от них. Ее светлые волосы, заплетенные в косы и уложенные вокруг головы, в блеске рассветного солнца казались золотым нимбом. Голубые глаза, устремившие к нему с надеждой, были прохладными озерами, в которые он нырнул с головой, прощаясь с похмельем. А ее губы… К этим губам хотелось припасть, как к лесному роднику, чтобы утолить жажду, иссушившую его после ночной попойки. Но этот поцелуй еще нужно заслужить. И сделать это будет ох как непросто. Такие девушки, как она, не вешаются на шею первому встречному. Они дарят поцелуи только одному, единственному…

Вацлав разогнал псов, и она благодарно улыбнулась ему в ответ. И от этой улыбки он снова захмелел – да так, как никогда в жизни. Даже после того, как на спор с приятелем осушил небольшой бочонок с пивом. Она что-то сказала, но Вацлав не расслышал – только увидел, как шевельнулись ее губы. А потом в ее руках, которые она держала сложенными на груди, что-то шелохнулось, и на Вацлава взглянули два испуганных желтых глаза на белой пушистой мордочке.

– Котенок, – терпеливо повторила девушка, – видите? – И раскрыла ладони, показывая крохотного найденыша. Однако тот вцепился ей в руку и испуганно запищал, словно боялся, что его оставят и придется снова скитаться одному в большом незнакомом городе, полном злых собак. – Не бойся, малыш, – успокаивающе прошептала девушка и прижала котенка к груди. – Я тебя не брошу.

Словно поняв ее слова, котенок громко заурчал. Девушка тепло улыбнулась, глядя на найденыша, и Вацлава окончательно накрыло влюбленностью. Сил хватило только на то, чтобы вызваться ее проводить. Девушка с радостью приняла его предложение. По дороге он узнал, что ее зовут Эвелина, она англичанка и работает швеей у известного в городе портного, в лавку которого и направляется ни свет ни заря.

Все это Вацлаву было уже совершенно не важно. Он узнал главное. Его невесту зовут Эвелина.

– Ты с ума сошел, Вацлав! Она тебе не пара! Какая-то бедная англичанка! – негодовал отец, когда он заявил ему о своем намерении.

Отца можно было понять: для единственного сына городского главы нельзя было представить более неподходящей партии. Девушки из лучших семей Праги были бы рады стать женой Вацлава. Но ему был не нужен никто, кроме Эви – сироты без роду и племени.

Не сразу, но отец согласился. Во многом все решило его знакомство с Эвелиной, когда будущая невестка очаровала его своей добротой и кротким нравом. Кроме того, отец, уже смирившийся с загулами своего непутевого сына, не мог не видеть, что знакомство с Эвелиной изменило Вацлава, и его сын отказался от дурной компании и пьяных застолий ради прогулок со своей невестой.

После свадьбы молодые переехали в отдельный дом в Старом городе, а вместе с ними поселилась пушистая белая кошка Снежинка – та самая, с которой началось их знакомство.

Полгода семейной жизни пролетели как чудесный сон. Вацлав никак не мог напиться поцелуями Эвелины, надышаться ее дыханием и медовым запахом ее кожи и волос, насладиться прикосновениями ее нежных рук. Он позабыл лица старых приятелей, с которыми прежде проводил каждый вечер. Что они ему, если у него есть Эви? Он утратил интерес к азартным играм и пирушкам. Вечер, проведенный с женой, – вот истинное наслаждение. Он не брал в рот ни капли спиртного. Оказалось, любовь пьянит сильнее самых крепких вин. Эвелина не держала его рядом с собой и даже сама предлагала ему навестить приятелей. Если бы только она знала, что это за приятели и чем они занимались, собираясь вместе! Эвелина была ангелом, посланным ему во спасение от разврата. Вацлав знал: если он однажды сорвется и исчезнет на всю ночь, чтобы под утро вернуться пьяным, как скотина, Эвелина не выскажет упрека. Она заботливо уложит его в постель и просидит рядом, прислушиваясь к его дыханию. Вот только он сам не сможет себе простить, что его жена увидит его таким. Да и не стоит пьяный угар попойки того, чтобы разрушить ту волшебную сказку, в которой они живут вместе с Эвелиной.

Тогда он думал, что избавился от всех пороков, и даже не подозревал, что на свете есть жажда более мучительная, чем страсть к алкоголю. Жажда человеческой крови…

Погрузившись в воспоминания, Вацлав и не заметил, как очутился у моста через Влтаву. На другом берегу сияло огнями грандиозное здание, тянувшееся вдоль набережной и казавшееся золотым в ночном освещении. Вацлав в растерянности оглянулся, не понимая, куда забрел. Кажется, он на мосту Легионов, вот только этого роскошного дворца он не припомнит. Ну, конечно! Это же Национальный театр. Он был построен спустя полвека после того, как Вацлав покинул Прагу. Прежде он видел театр только на фото, и вот теперь мог оценить всю грандиозность сооружения и признал, что его не зря называют одной из жемчужин Праги.

Вацлав постоял на мосту, посмотрел на темные воды Влтавы, в которых отражались золотые огни театра. Нахмурился, вспомнив про одного утопленника, которого прибило к берегам Старого города. Это был молодой дворянин, проигравший ему солидную сумму денег в карты. Парню было всего двадцать. Вацлав тогда был немногим старше. Для него выигрыш ничего не значил – он спустил его за одну ночь. Для его соперника проигрыш стал роковым. От этого греха Вацлаву никогда не отмыться. Будучи вампиром, он убивал многих, но то были преступники и убийцы. Тогда же погиб невинный, к тому же он был единственным сыном у родителей.

Поежившись на пронизывающем ветру, Вацлав поднял воротник куртки и торопливо миновал мост. Некстати вспомнилось старинное поверье: вроде бы вампиры боятся текущей воды, поэтому не могут переправиться на другой берег. Какие глупости! Но людям нужны свои мифы. На свете живется спокойнее, если веришь в то, что монстра можно обратить вспять святым распятием, уничтожить святой водой и сбежать от него, перебравшись через реку.

На углу Национального театра он задержался всего на минуту. Оценить грандиозность сооружения он смог еще на том берегу, но здание было ему чужим. Это был символ новой Праги – той, которая строилась уже без него. Ему же были куда милей узкие улочки Старого города, на которых прошла его молодость, где он провел счастливых полгода с Эвелиной и где состоялась роковая встреча, изменившая всю его жизнь.

Это случилось накануне именин Эвелины. Вацлав полдня провел, обходя торговые лавки Старого города в поисках подарка для жены. Все лучшие товары, которые ему предлагали торговцы, казались ему недостойными его любимой. Он вышел от очередного ювелира и увидел, что на Прагу уже опустились сумерки. Узкие шпили башен тонули в темноте, и ночь торопилась навесить на них ожерелья из звезд. Улица была темна, и только робкие огоньки свеч озаряли окна жилых домов. Вацлав с беспокойством подумал, что Эвелина так же зажгла свечу и ждет его у окна, тревожась о нем.

За дверью в торговой лавке завозился хозяин. Вацлав слышал, как тот убирает товары и запирает витрины на замок, тихонько ворча на привередливого покупателя. Вацлав замешкался. Золотой гарнитур с сапфирами из ожерелья и серег, который показывал ему ювелир, был довольно хорош. Дорогие камни, в которых он знал толк, искусная работа, изящная огранка. Вот только цвет сапфиров – насыщенно-синий, как июльские сумерки, был слишком ярким. К тому же он напоминал о прощальном подарке его прежней любовнице, темпераментной и страстной актрисе Ружене из Сословного театра. Сапфировое ожерелье, которое он ей преподнес, подчеркнуло ее броскую красоту и васильковый цвет глаз. Ружена была в восторге и не очень-то расстроилась, услышав о том, что Вацлав женится и больше не появится в театре. Для жены же он хотел найти драгоценности из голубых топазов – прозрачных и чистых, как небо, неброских, но нежных, оттенка цветов эдельвейса, как глаза любимой. Вот только все его поиски не увенчались успехом. Уже поздно, торговцы закрывают лавки. И если он не вернется к ювелиру за сапфировым гарнитуром, то придется возвращаться домой с пустыми руками. Вацлав уже сделал шаг назад, собираясь войти в лавку, как вдруг его окликнул вкрадчивый мужской голос.

– Ищете драгоценности? Мой друг на днях открыл ювелирную лавку.

Говорящий был хорошо одетым молодым мужчиной с пронизывающим взглядом карих глаз и бледными губами.

– Уверяю, когда о нем узнают, он станет одним из самых знаменитых ювелиров в Праге, – продолжил незнакомец. – У приятеля настоящий талант. Сегодня он показал мне ожерелье из топазов, которое только что закончил. Это самое великолепное изделие, которое мне когда-либо доводилось видеть! Сама французская королева была бы счастлива его носить.

– Вы сказали, из топазов? – в волнении переспросил Вацлав, не веря своей удаче. – Могу ли я увидеть его сегодня?

Мужчина замешкался, красноречиво взглянув на темнеющее небо. За спиной Вацлава из лавки вышел торговец, загрохотал ключами. Заметив недавнего покупателя, окликнул:

– Господин, вы не надумали? О цене договоримся, я хорошо уступлю.

Вацлав в сомнениях обернулся. Неизвестно еще, что там за топазы, может, стоит все-таки купить сапфиры? Иначе торговец уйдет, и Эвелина останется без подарка.

– Хорошо, – решился незнакомец. – Идемте. Я провожу вас.

Не раздумывая ни мгновения, Вацлав зашагал за ним. Ювелир за его спиной недовольно заворчал и загремел замком, запирая лавку.

– Надумаете – приходите, – донеслось вслед Вацлаву. – Я здесь с самого рассвета.

Незнакомец свернул в переулок, и Вацлав ускорил шаг, чтобы не потерять его из виду. Маршрут, по которому его вел мужчина, был ему незнаком и шел по безлюдным улочкам вдоль неосвещенных домов. Казалось, весь квартал вокруг словно вымер. Это было удивительно для Вацлава, который знал ночную Прагу по шумному центру, где с наступлением темноты жизнь только начиналась. Наконец незнакомец остановился у двери дома, на стене которого не было ни единой вывески, зазывавшей народ в ювелирную мастерскую. Но удивляться было некогда: на стук дверь открылась, и Вацлав шагнул следом за мужчиной.

Тут же его обступили пятеро крепких молодчиков, оттеснив от двери и не дав возможности сбежать. Вацлав мысленно выругался. Как он мог совсем утратить бдительность и угодить в такую ловушку? Польстившись на топазовое ожерелье, он забыл об элементарной осторожности. Мужчина, который привел его сюда, простой наводчик. Он увидел, как хорошо одетый покупатель выходит из ювелирной лавки с пустыми руками и смекнул, что у него с собой деньги. А дальше только оставалось заманить его в безлюдное место и обобрать до нитки. Как бандит только так угадал с топазовым ожерельем? Словно мысли его

прочитал! Не скажи он про топазы, Вацлав бы ни за что не пошел за ним.

– Ты превосходно справился, Франтишек, – похвалил того, кто привел сюда Вацлава, молодой мужчина с породистым лицом и колючим взглядом, очевидно, бывший здесь главарем.

Вацлав оглядел нападавших, приготовившись драться, и с удивлением отметил, что те непохожи на обычных головорезов. Мужчины были дорого одеты, их костюмы были явно сшиты у искусного портного, а не сняты с чужого плеча. Их бледные лица с утонченными чертами выдавали в них аристократию. Простолюдинов среди них не было. Но в то же время ни один из них не был ему знаком, что было удивительно, учитывая его обширные знакомства в высших кругах Праги.

– Что вам нужно? – Вацлав скривил рот. – Деньги?

Их опасно блестевшие глаза и решительно сжатые рты не оставляли шансов на мирное разрешение ситуации.

– Деньги? – Главарь громко рассмеялся, как будто бы услышал один из тех скабрезных анекдотов, которые Вацлав прежде был мастак рассказывать.

Вацлав похолодел при мысли о том, что это могут быть кто-то из тех, кого он еще до свадьбы обыграл за карточным столом. И хотя долгов за ним не водилось, недовольных проигрышем нашлось бы немало. Что, если теперь с ним решили поквитаться? Только почему так долго выжидали?

– Я больше не играю, – предупредил он. – Я завязал.

– Молодец, – издевательски похвалил главарь, – это верное решение.

И кивнул двум парням, которые стояли по бокам от Вацлава:

– Держите его.

– Какого черта! – Вацлав собирался смести двух парней, которые не выглядели физически крепкими. Уж он-то на своем веку в стольких драках побывал, что с

парочкой юнцов как-нибудь справится и не даст выкручивать себе руки. Однако противники показали невиданную силу и скрутили Вацлава так, что он пошевельнуться не мог. На юных безбородых лицах яростью сверкнули глаза прожженных бандитов, побывавших в сотнях передряг. Вацлав потрясенно замер. Такие глаза он видел только у старых морских волков и отпетых картежников. Все они были старше его отца и были испорченными седыми стариками, в затылок которых уже дышала смерть.

Тем временем в руках главного появился аптечный пузырек из мутного бесцветного стекла и стилет, об остроте которого Вацлаву не пришлось долго гадать. Потому что главный взрезал себе указательный палец, даже не поморщившись, и выжал несколько капель крови из ранки в пузырек. Затем он передал пузырек со стилетом Франтишеку. Все повторилось.

Вацлав, которого удерживали двое худощавых парней со стальной хваткой тяжеловесов, в оцепенении наблюдал, как каждый из пятерых мужчин, присутствовавших в комнате, пускал себе кровь и сцеживал пару капель. Пузырек наполнялся рубиновым содержимым. Последними свою кровь добавили юнцы, сдерживающие его. Франтишек сам уколол их стилетом и подставил пузырек к ранке. Затем он передал пузырек главному. Тот запечатал его пробкой и взбултыхал так, что кровь пятерых смешалась. Лицо мужчины тронула довольная улыбка, а Вацлава сковало страхом от догадки. Он попал в руки сатанистов, исповедующих культ дьявола. Как назло, он не мог вспомнить ни одной католической молитвы. Это расплата за его грехи. После свадьбы он ходил на церковные службы с Эвелиной, но вместо того, чтобы слушать священника, он любовался профилем жены, шепчущей слова молитв. Эвелина в такие минуты была похожа на ангела.

Главный тем временем склонился над столом с горящей свечой, разглядел кровь на свет и расхохотался. После чего в одно мгновение подскочил к Вацлаву, вывернул его ладонь, полоснул лезвием наискосок, проводя ровную красную линию через всю ладонь, а затем опрокинул пузырек, так что кровь из него смешалась с кровью Вацлава. Звякнуло, разбившись об пол, стекло. Это главный бросил ненужную больше склянку под ноги. А потом он прижал свою ладонь к ладони Вацлава, крепко сплетя пальцы. Его глаза блеснули безумием, голос захлебнулся ликованием.

– Ты теперь наш кровный брат!

Стоя спустя сто девяносто шесть лет на месте у того дома, Вацлав как будто наяву услышал слова вампира, который был уже мертв. Ладонь заныла от давно зажившего пореза. Он невольно развернул ладонь. От длинной царапины остался лишь короткий едва заметный шрам, рассекающий его линию жизни надвое. Загульная молодость и семейное счастье с Эвелиной вверху ладони и вечность вампирского существования внизу. Вечность, в которой он сперва совершил много ошибок, а потом долгие годы замаливал свои грехи. Вечность, которая обрела смысл только с появлением Жанны.

«Как она там?» – заныло сердце. Франтишек не причинит ей вреда, не посмеет. У него не будет возможности остаться с ней наедине. Другие старейшины тоже заинтересовались новенькой, о которой столько слышали. Вацлав заберет ее, как только наступят новые сумерки. И расскажет ей все. Как пришел на новогоднюю вечеринку в Москве, желая с ней объясниться. Как переживал, что свалившееся на нее наследство встало между ними. Как с ума сходил, когда она была под обвинением. Как ненавидел себя за ментальный допрос. Как готов был умереть за нее тогда, когда загородил ее от Романова и получил инъекцию. Как прежде, чем потерять сознание, слышал ее признание и не понял – правда это или бред. Как не понимал ее отчужденности на следующий день. Как некогда было разбираться в их отношениях – надо было спасать ее от «вышки» и бросить все силы на поиски убийцы. Как когда все закончилось и обвинения с нее были сняты, рядом все время крутился Аристарх и не было шанса остаться с ней наедине. К тому же Аристарх ясно дал ему понять: он благодарен за все, что Вацлав сделал для Жанны, но их союза не одобрит. Меньше всего Вацлаву нужны были советы вампира, который младше его почти на сто пятьдесят лет!

В парижском аэропорту сама судьба свела их с Жанной вместе, отправив в это неожиданное путешествие в город его детства. Разве это простое совпадение, что они оказались вдвоем именно здесь? Долгие годы он бежал от своего прошлого, а теперь настало время взглянуть в лицо своим страхам, поставить точку и начать новую главу своей жизни. И какая пошлость, что из всех номеров отеля им достались апартаменты для новобрачных! Казалось, сама Прага толкает их в объятия друг друга. Но их с Жанной отношения – не сценарий тривиального любовного романа. Он хотел, чтобы их объединило нечто большее, чем одна кровать на двоих, доставшаяся в результате досадного стечения обстоятельств.

Следующей остановкой было трехэтажное здание на перекрестке. Сейчас старинный кремовый фасад отреставрировали, на крыше переливалось

неоновым светом название дорогого отеля, а у входа почтительно застыл швейцар, готовый в любой миг сорваться с места и открыть дверь припозднившимся постояльцам. Сотрудники и гости отеля и не подозревают, что раньше здесь тайно собирались вампиры, и, чтобы попасть внутрь, нужно было предъявить особый медальон, выдающий принадлежность к кровному братству…

Вацлав быстро привык к своей новой жизни, которая началась с росчерка стилета на его ладони и с нового имени, которое ему дали братья. Они звали его Венцеславом на латинский манер. Окунувшись в неведомый для него мир, он понял, как ему не хватало мужской компании и новых впечатлений в его семейной жизни. Франтишек стал его проводником в этом тайном мире, и вскоре Вацлав уже считал его лучшим другом. По ночам, когда Эвелина засыпала, Вацлав и Франтишек выходили на охоту, выслеживая поздних прохожих. А затем, насытившись, отправлялись к месту сбора вампиров.

Среди пражских братьев давно зрел раскол. Консервативно настроенные вампиры, разменявшие не первую сотню лет, выступали за тайный образ жизни и приводили в пример собственный опыт. Молодые, среди которых были Франтишек и Адам, участвовавшие в посвящении Вацлава, ратовали за то, чтобы перестать скрываться и открыто захватить власть над людьми. Сначала в Чехии, потом во всем мире. В их безумном на первый взгляд плане была существенная доля истины. Многие из вампиров по всему миру занимали важные посты во власти и были аристократами, владевшими землей и крестьянами. Если бы после вампирского переворота народ вздумал взбунтоваться, мятежникам пришлось бы убить почти всю правящую верхушку и страна погрузилась бы в хаос. Среди наделенных высоким положением братьев были любимцы народа, которые могли повлиять на толпу, убедив их в том, что правление вампиров – не зло, а благо. Следующим шагом, который собирались предпринять заговорщики, было обратить в вампиров народных героев, влиятельных простолюдинов, к которым прислушается толпа. А чтобы перетянуть на свою сторону остальных братьев, настороженно относящихся к их затее, молодым заговорщикам и понадобился сын городского главы. Поначалу они были одержимы идеей разыскать прямого потомка Последнего Лорда и обратить его, с тем чтобы он выступил на их стороне и возглавил переворот как лидер. Еще до того, как Последний Лорд стал вампиром, у него родился сын. Правда, не в законном браке, а в результате короткой интрижки с замужней придворной дамой. Обманутый муж, во избежание скандала, признал ребенка своим, а затем увез семью из Праги. Франтишек развернул целое детективное расследование, чтобы отследить продолжение этой линии крови. Пока Наполеон завоевывал мир, Франтишек

готовился к своему завоевательному походу и объездил почти всю Европу, потратив пять лет из вечности на поиски прямого потомка, но вернулся ни с чем. Когда эта затея с треском провалилась, заговорщики обратили свое внимание на единственного наследника городского главы, его любимого сына, который мог сделать отца союзником своих кровных братьев, а, возможно, и обратить его.

Если бы не положение отца, вряд ли бы Вацлав удостоился внимания верхушки вампиров. Если только в качестве прохожего, кровью которого можно перекусить. Желания самого Вацлава вступить в ряды братства, естественно, никто не спрашивал. Обратного пути не было, и Вацлав окунулся в новую жизнь. Франтишек был очень убедителен. Он говорил, что вампиры – это элита, куда принимают только лучших представителей: аристократов, людей искусства, политиков, ученых. Кому как не элите править миром? И почему обладая обширными знаниями и особенной силой, они вынуждены скрывать свое существование? Люди покорятся им. Надо только тщательно подготовить их к пришествию вампиров. Заручиться поддержкой влиятельных вампиров, объединить все братство в достижении высшей цели. Создать какую-то опасность, серьезно угрожающую людям, а затем отвести ее, выступив спасителями человечества. Несколько ученых-вампиров, вдохновленные идеей Франтишека, уже не один год корпели в лаборатории, изобретая смертельный вирус, единственным лекарством от которого будет кровь вампира. Военные выступали за то, чтобы развязать короткую, но беспощадную войну, остановить которую смогут только вампиры. И в том, и в другом случае людям не останется ничего другого, как признать власть своих спасителей.

Вацлав теперь часто пропадал на совещаниях и тайных собраниях. Они с Франтишеком могли ночь напролет обсуждать грядущие перемены. Вацлав приобретал все больше влияния среди вампиров, к нему прислушивались, ему доверяли, за ним были готовы идти. Опыт отца, бывшего талантливым стратегом и политиком, передался и сыну.

С помощью интриг и союзников ему удалось без особых потерь сместить Томаша, старого консерватора, стоявшего у власти. Братья признали верховенство Вацлава, и он обосновался в подземной резиденции правителей, занимаясь подготовкой к мировому перевороту, в результате которого вампиры должны были выйти из тени и зажить бок о бок с людьми.

Дни он проводил дома, был вялым и слабым, скрывался от лучей солнца за плотными шторами, ссылаясь на недомогание. Выходил на прогулку с Эвелиной

только в пасмурные дни. И, каждый миг находясь рядом с ней, обнимая ее, целуя, лаская, терзался жаждой. Кровь жены стала его навязчивой идеей, его самым страстным желанием. И только любовь, которую он к ней испытывал, удерживала от рокового шага…

Дойдя до места, где находился их с Эвелиной дом, Вацлав в растерянности остановился. Ошибки быть не могло. На улице еще сохранилось несколько отреставрированных зданий, которые он помнил. А их с Эвелиной дома не стало. На его месте стоял новострой – ресторан из стекла и металла. Что ж, весьма символично. Не стало семьи – не стало и дома. Вацлав прислонился к фонарю, отбрасывавшему косую тень к другой стороне улицы, где раньше стоял его дом, и в памяти ожила та роковая ночь, когда они с Франтишеком отправились на охоту…

Вацлав дождался, пока дыхание заснувшей Эвелины станет ровным, и неслышно покинул постель. Жена не шелохнулась. Только в углу спальни прожгли темноту два желтых огонька – это кошка Снежинка настороженно следила за хозяином, отлучки которого для нее не были секретом. Так же, как и те изменения, которые с ним произошли. С той ночи, как Вацлав вернулся от лже-ювелира, Снежинка, прежде всегда спавшая, свернувшись в клубок, в ногах Эвелины, больше ни разу не запрыгнула на постель. Кошка облюбовала себе место на кушетке в углу комнаты, и даже когда Эвелина брала ее на руки и садилась на постель, Снежинка нервничала и торопилась оказаться как можно дальше от Вацлава. А тот, облокотившись о подушку, жадным взглядом наблюдал за женой.

Франтишек все чаще заводил нелицеприятный разговор о том, что Эвелину надо обратить, так будет лучше для обоих супругов. И если поначалу Вацлав с негодованием отвергал эту идею, потом уже был склонен с ней согласиться. Но решиться осуществить задуманное никак не мог. Каждый вечер, глядя, как Эвелина возносит молитву богу за прожитый день, Вацлав чувствовал себя последней скотиной и все чаще думал о том, что больше не имеет права находиться рядом с Эви, и сходил с ума при мысли о том, чтобы оставить ее по собственной воле, дав ей право прожить человеческую жизнь без него.

Та ночь ничем не отличалась от множества других – холодных, сырых, непроглядных. Разве что мутная, казавшаяся багряной луна совсем низко висела над городом, ощетинившимся в небо острыми шпилями и тускло освещенным редкими фонарями. Франтишек с Вацлавом брели по темным извилистым

улочкам Старого города, выбирая жертву, и у Вацлава внутри медленно, но неотвратимо просыпалась жажда. Показались впереди двое гуляк, едва державшихся на ногах. Даже на расстоянии чувствовалось, как от них разит пивом и застарелым потом. Вацлав с Франтишеком брезгливо обошли их. Мелькнул впереди пленительный женский силуэт, и вампиры невольно ускорили шаг. Но это оказалась всего лишь дешевая шлюха с некрасивым одутловатым лицом и с синяком под глазом, который не скрывал даже густой слой белил. Приятели торопливо свернули в переулок, скрываясь от развязных приставаний дурнушки. Наконец им повезло. Они услышали торопливый стук деревянных башмаков, а потом из-за угла показалась девушка лет двадцати в простом платье, которая несла в руках корзину с каким-то тряпьем. Заметив их, она в испуге замедлила шаг – в последние дни в городе было неспокойно, неизвестный убийца, прозванный Мясником, расправился уже с несколькими молодыми женщинами.

– Милая девушка, – шагнул к ней Франтишек, – позвольте, мы проводим вас до дома. Находиться в столь поздний час на улице небезопасно.

– А я ничего не боюсь! – звонко ответила она, хотя ее срывающийся голос говорил об обратном.

А потом Франтишек сделал одно неуловимое движение, наклонившись к ее шее, и рука девушки белым крылом взметнулась вверх, роняя острые спицы, которые она приготовила для обороны. Упала из ослабевших пальцев корзина, рассыпая на мостовую клубки пряжи и кружева. Воротник белой рубашки окрасился алым, цепочка красных капель упала на верхнее платье, и девушка безвольно обвисла в хищной хватке Франтишека. Влекомый жаждой, Вацлав подался вперед и погрузил зубы в молочно-белую шею девушки с другой стороны, как делал это уже не раз с другими. Он выпил всего пару глотков, когда позади него раздался надрывный крик. Голос, такой родной, такой любимый, звал его по имени:

– Вацек! Что ты делаешь? Вацек! Да что же ты…

Он медленно обернулся, чувствуя, как горячей струйкой стекает с губ чужая кровь, и отчетливо понимая, каким чудовищем он выглядит сейчас в глазах Эвелины. Бледная, наспех одетая, запыхавшаяся, она стояла в нескольких шагах от него, и ее голубые глаза стремительно наполнялись страхом и отвращением. Наверное, если бы ему в самое сердце вонзили осиновый кол, ему было бы не так невыносимо больно, как смотреть в глаза Эвелины, в душе которой поднималось

омерзение к нему. А еще трудней было сдерживать жажду, которая, получив лишь глоток желанного, теперь требовала продолжения, застилала глаза красным туманом, пульсировала в висках бешеным желанием, требуя крови. Крови Эвелины. Такой любимой, такой желанной. Искусительный запах ее крови сочился сквозь кожу, как духи из опрокинутого флакона, совершенно сводя Вацлава с ума.

Он сделал шаг к жене, но она торопливо отскочила назад.

– Не подходи ко мне, – вскрикнула Эвелина, глядя на него с невыразимым ужасом. И, нащупав на шее крестик, выставила его для защиты. – Я сейчас закричу!

За спиной Вацлава послышался тихий стон и падение тела, это Франтишек, утолив жажду, бросил девушку, как пустую бутылку. А потом мимо промчался вихрь. И вот уже Франтишек отрезал Эвелине путь, не давая скрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Уменьшительный вариант чешского имени Вацлав

Купить: https://tellnovel.com/nabokova_yuliya/vampir-vysshego-klassa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити